

Морис Карем

СКАЗКИ ДЛЯ
КАПРИНЫ

Прозрачные, будто сотканные из воздуха, напoeнные поэзией сказки Мориса Карема полны мудрости, тонкого юмора и тоски по детству. Ведь только ребенок может поверить в то, что в пустой банке живут рыбки («Дедушка»), переезжающий из деревни в деревню балаган скрывает в себе невиданные чудеса («Ярмарка»), маленький деревянный Иисус может оживать и играть с одиноким девочкой («Эглантина»), а снеговик мечтает о настоящем, человеческом сердце («Снеговик»).

Поэтическое мироощущение Мориса Карема и его уникальный дар рассказчика в полной мере воплотились в «Сказках для Каприны». Этот небольшой сборник, написанный в середине прошлого века, уже вошел в золотой фонд мировой детской литературы. Теперь мы представляем его русскоязычным читателям в переводе замечательного поэта, автора множества детских стихов Михаила Яснова.

Maurice Carême
CONTES POUR CAPRINE

CET OUVRAGE EST PUBLIÉ
AVEC L'AIDE DE LA COMMUNAUTÉ FRANÇAISE
DE BELGIQUE.

L'ÉDITEUR REMERCIE ROLAND FORRER
DE L'ASBL CARREFOUR DES CULTURES ROMANES (JODOIGNE)
POUR SON AIDE LORS DE LA PRÉPARATION DU LIVRE.

Морис Карем

СКАЗКИ ДЛЯ КАПРИНЫ

Перевел с французского **Михаил Ясн**

Иллюстрации **Натали Салиенко**

Детское издательство «Розовый жираф»

Москва, 2009

В Андерлехте, пригороде Брюсселя, в белом домике с зелеными ставнями за письменным столом в кабинете на втором этаже сидит Морис Карем. Перед ним чистый лист бумаги, а посреди листа лежит... кот. Морис Карем пишет стихи на свободном от кота месте: снизу, сверху, сбоку, между ушами, стараясь не потревожить чуткий кошачий сон. Кот устраивается поудобнее, взмах хвоста – и все рифмы летят на пол! Придется Морису Карему сегодня писать прозу...

Кто знает, может, так появились на свет сказки для Каприны? Ее настоящее имя Андре Гоброн, но, как ни странно, этой серьезной школьной учительнице гораздо больше подходило имя Каприна, козочка. Это для нее, своей жены и музы, Морис Карем сочинял сказки. Про чародеев, про звезды, про дьявольскую герань, про снеговика с человеческим сердцем. Потом сказки напечатали в книге. И тогда все заговорили в один голос, что Карему как сказочнику нет равных, – может, только Марсель Эме с его «Сказками кота Мурлыки».

В 1947 году «Сказки для Каприны» получили самую престижную награду Бельгии, премию Виктора Росселя. Слава Мориса Карема быстро долетела до Франции, где он был признан чуть ли не первым настоящим детским поэтом, – до него дети, говорящие по-французски, в основном читали взрослые стихи, вошедшие в круг детского чтения.

Много позже, в 1975 году, 76-летнего Мориса Карема объявили во Франции «Принцем поэзии». Такой чести удостоивались только знаменитые поэты, писавшие для взрослых, такие, как Поль Верлен, Стефан Малларме или Жан Кокто. А «Сказки для Каприны» стали классикой детской литературы. Ведь Карем не только владел в совершенстве легким, воздушным языком, что сродни поэзии, но обладал даром рассказывать с необыкновенной искренностью о мире, в котором живут его герои. Рассказывать так проникновенно, что сказочный мир – грустный, опасный, жестокий, но одновременно волшебный, прекрасный и полный божественной веры – оказывается близок каждому.

Светлана ПЕТРОВА

Каприна

– Ты очень послушная девочка,

я хочу рассказать тебе сказку.

– Потому что ты меня не любишь, – отвечает Каприна. – Если бы ты меня любил, то просто обнял бы.

Она берет с моего стола лист бумаги и с лукавым видом рисует на нем сердечко.

– Хорошо, забирайся ко мне на колени!

– Может, ты и готов меня обнять, но это совсем не значит, что ты меня любишь!

– Если не веришь, давай спросим сирень у забора. Вот уж кому нет никакого смысла нас обманывать... Скажи, подружка-сирень, люблю ли я Каприну?

Сирень склоняется к нашему окну цветущими гроздьями и шепчет:

– Это все равно что спросить ручей в долине, любит ли он свое каменистое русло.

– Видишь? А ты сомневалась.

– Ну и что? Подумаешь! Ты же знаком со всеми цветами на свете.

– Ладно. Тогда давай спросим зяблика – вон он поет на яблоне. Скажи, дружище-зяблик, люблю ли я Каприну?

Зяблик весело смотрит на нее и смеется:

– Это все равно что спросить дерево, любит ли оно сад, в котором выросло.

– А теперь?

– Ну и что? Ты же знаком со всеми птицами.

– Предположим. Но ты ведь не думаешь, что я знаю вон то облачко над нашей крышей? Давай-ка спросим у него.

И облако отвечает:

– Это все равно что спросить мельницу, там внизу, любит ли она ветер.

– Вот так. Убедилась?

– И вовсе не убедилась, ты дружишь со всеми облаками!

– Понятно. Тогда давай дождемся вечера. Ты выберешь любую звезду, а я ее спрошу.

– Нет-нет! Будет то же самое. И цветы, и облака, и птицы, и звезды – все твои друзья. Я часто вижу, как они с тобой разговаривают.

– Хорошо. Раз уж ты не веришь ни цветам, ни облакам, ни птицам, ни звездам, то сердечку-то ты можешь поверить – вот этому, которое сама только что нарисовала? Передай, пожалуйста, ножницы.

И я с осторожностью вырезаю сердечко, изображенное на листе бумаги.

– Сердечко-сердечко, помоги мне, пожалуйста. Каприна говорит, что я ее разлюбил. Если она ошибается, стань птицей и взлети в небо!

В тот же миг с двух сторон сердечка появилось по крылышку, и оно принялось радостно порхать по комнате.

– Ну теперь-то ты видишь! – торжествую я. – Какие еще доказательства тебе нужны?

– Это не доказательства, – отвечает Каприна и осторожно берет за крылышки сердечко, опустившееся на ее рукав. – Ты дружишь с птицами, вот они и одолжили крылья. Нисколько не сомневаюсь, если ты попросишь сердечко покрыться маргаритками, или превратиться в облако, или засверкать, как звезда, оно сделает все, что тебе будет угодно.

– Раз так, пусть сердечко снова превратится в простой лист бумаги, – говорю я и сурово сдвигаю брови. – Давай его сюда!

И так быстро выхватываю сердечко из пальцев Каприны, что крылышко надрывается.

– Постой! – кричит Каприна, в ужасе хватая меня за руки. – Постой, вредина! Смотри: там кровь...

– Ну надо же! – сконфуженно подтверждаю я, увидев, что на месте разрыва сверкнула капелька крови. – Вот что бывает, когда ты меня седишь...

– Не ворчи, – говорит Каприна, забираясь ко мне на колени. – И обними меня! Я знаю, ты меня любишь, но повторяй это почаще. А теперь, раз я такая послушная, давай, рассказывай...

Дедушка

Я делала уроки, когда он постучался

в дверь нашей кухни. Это был маленький, незаметный, сгорбленный от времени старичок. Сколько я себя помню, он всегда жил у нас в мансарде, но я еще никогда не видела его так близко.

Каждый вечер, затемно, он откуда-то возвращался и в тени лестницы бесшумно проскальзывал к себе наверх, как летучая мышь. Я никогда не слышала, чтобы он ходил по комнате, разговаривал или передвигал мебель. Он жил, как в доме живет тишина. А зарабатывал на жизнь тем, что вписывал в большую книгу имена умерших людей. Казалось, тень этой странной работы повсюду его сопровождает, и я боязливо поглядывала на него, покусывая кончик ручки.

Он склонился над моей тетрадью и с улыбкой сказал:

– Какой у вас красивый почерк, мадемуазель! И пишете вы без ошибок!

Я вытащила ручку изо рта, но не нашлась что ответить.

– Э, если бы еще она так же хорошо считала! – заметил мой отец. – Перед каждой задачкой она застревает, как упрямый ослик, ее просто

невозможно сдвинуть с места. Что мы только ни делали, что ни сулили – все это пустая трата времени. А экзамены уже на носу!

– Вот как! – удивился дедушка, заглянул мне прямо в глаза и совсем тихо спросил:

– Какой же подарок ты хотела бы получить больше всего?

– Двух красных рыбок в аквариуме, – почти беззвучно ответила я. – Такие рыбки есть у цветочницы.

Отец пожал плечами:

– Ты еще мала, чтобы за ними ухаживать, ведь рыбок нужно кормить, менять им воду. Ни у твоей матери, ни у меня нет на это времени.

– Ну что ж, – сказал дедушка, – я надеюсь, она сделает все возможное и успешно справится с экзаменами. А я раздобуду для нее красных рыбок.

Он потрепал меня по щеке, взглянул на отца и незаметно исчез.

И вот экзамены позади! Я вернулась домой, сияя от радости, и гордо протянула родителям табель. Они недоверчиво взглянули на отметки и стали расспрашивать, как это мне удалось справиться с такими сложными задачами.

Я ответила все, как было:

– Только я вспомнила об обещании этого старого господина, который живет у нас в мансарде, как решение само собой пришло мне в голову!

В тот же вечер отец отправил меня поблагодарить дедушку. Я долго стояла перед его дверью, различая в темноте только белый листок табеля и прислушиваясь к биению собственного сердца.

Наконец я постучала. И так перепуталась, что мои тихие удары показались мне барабанной дробью. Я в ужасе застыла...

Прошла целая вечность, как вдруг совершенно бесшумно отворилась дверь и в луче света появился дедушка. От волнения я не могла сказать ни слова и только протянула ему табель, который он принялся внимательно рассматривать.

Лампа над столом дедушки была украшена красивым абажуром с резными отверстиями. Свет, проходящий сквозь них, рисовал звезды на стенах. А мой голубой передник стал похож на квадратик неба. В центре стола, под лампой, были разбросаны высушенные цветы. Все остальное тонуло вокруг нас в полумраке...

– Очень, очень хорошо! – произнес дедушка. – Сейчас я подарю тебе обещанных рыбок.

– Сейчас? – вскричала я, не веря своим ушам.

Дедушка принес из угла большую банку, покрытую толстым слоем пыли, тщательно ее обтер и отправился к водопроводному крану. Вода бесшумно наполнила банку. Потом дедушка поставил ее на стол и сказал:

– Сначала мы посадим водоросли.

Он опустил в банку сухие стебельки цветов, и они превратились в зеленую шевелюру, которая тотчас завилась в воде.

– А теперь, – продолжал дедушка, – мы поселим сюда рыбок.

Он раскрыл ладонь, и из нее выскользнули прямо в банку две ярко-красные рыбки. Это были, наверное, самые красные рыбки на свете, и когда лампа осветила их плавники, во все стороны брызнул дождь слепящих искр.

Я глядела на банку с изумлением и радостью, а дедушка добавил:

– У твоих родителей совсем нет времени заботиться о рыбках, а ты и впрямь еще мала, чтобы как следует следить за ними, менять им воду и вовремя их кормить. Поэтому я дарю тебе таких рыбок, за которыми совсем не нужно ухаживать. Они живут так долго, что ты успеешь справиться со всеми трудными задачками в твоей жизни. Бери их, и пусть они принесут тебе счастье!

Я бросилась ему на шею, а он улыбнулся, погладил меня по голове и приподнял абажур на лампе, чтобы осветить мне дорогу.

– Постойте! – воскликнула я. – Эта банка такая большая, и в ней так много воды! Я никогда не смогу поднять ее!

– А ты попробуй! – рассмеялся дедушка.

Я собрала все силы – и чуть не выпустила банку из рук: она была настолько легкой, что казалась пустой.

– Я обо всем позаботился, – сказал дедушка напоследок.

И, прижав драгоценный подарок к груди, я спустилась в кухню и поставила банку на подоконник.

– Посмотрите, каких прекрасных рыбок подарил мне дедушка! – закричала я родителям, танцуя от радости.

– Рыбки? – удивился отец. – Где же они?

– Да вот здесь, в банке!

– Ты смеешься над нами. В банке никого нет.

– Послушай, папа, – изумилась я, – ты что, их не видишь?

– А ты видишь каких-нибудь рыбок в этой банке? – спросил он, поворачиваясь к маме.

– Нет, я тоже ничего не вижу, – ответила мама.

А поскольку я упорно стояла на своем, добавила, бледнея:

– Как ты себя чувствуешь? Дай-ка лоб: мне кажется, у тебя температура!

Надувшись, я ускользнула от ее рук, поставила стул около банки и весь вечер любовалась моими рыбками, которые весело плавали вокруг пышных водорослей.

Мама тревожно следила за мной, а папа, обеспокоенный моим молчанием, повторял:

– Ну хочешь, мы купим тебе велосипед, настоящий велосипед, самой новой марки?

В самом деле, мне купили велосипед. Это было замечательно! Теперь я обгоняла всех моих одноклассников. Даже Жан-Жан, сын булочника,

не сумел меня победить. Но едва я возвращалась домой, как тут же забывала обо всем и снова принималась разглядывать рыбок. Они меня уже узнавали. И когда я прижималась лицом к банке, дружелюбно глядели большими выпуклыми глазами. А потом опять начинали плавать и кружиться.

Часто я приводила к себе моих подруг, БERTУ и Мари, и показывала им рыбок. Девочки тоже восхищались их красотой, и каждый раз БERTа разыскивала на хвосте меньшей рыбки красивое черное пятно в золотом ободке.

Но родители мои по-прежнему говорили, что банка пуста.

Однажды, когда в кухне скопилось много пара и чада, мама неосторожно распахнула окно и уронила банку.

Я в ужасе вскрикнула и бросилась на помощь рыбкам. Я обшарила всю кухню, перевернула каждый осколок стекла на полу – все было напрасно: рыбки и водоросли исчезли. Я ревела, а мама пыталась меня утешить:

– Ну будь же ты, наконец, разумной. Погляди, на полу нет ни капли воды! Как ты думаешь, могут ли рыбы жить в пустой банке?

– Нужно все рассказать дедушке! – не слушая, кричала я. – Нужно все ему рассказать!

– Успокойся, пожалуйста, – ответила мама, – никто тебя не удерживает: иди и расскажи.

Вечером я побежала к дедушке. Я плакала и жаловалась на родителей. И тогда он сказал негромким, как прежде, голосом:

– Никогда ни в чем не вини своих родителей, девочка. Каждый час их жизни – это борьба. Их руки погрубели от ежедневного труда, волосы поседели от забот, а их усталые глаза уже не могут видеть того, что видят дети. Не отчаивайся: я тебе сделаю подарок еще лучше!

Дедушка отправился в тот же угол, откуда в прошлый раз принес банку для рыб, вынес деревянную клетку с позолоченной решеткой и протянул ее мне. А потом подозвал меня к столу и показал большую книгу с картинками. В книге были нарисованы птицы на любой вкус.

– Какая тебе нравится больше всех? – спросил дедушка.

Самой красивой показалась мне маленькая птичка с острым клювом, синими крыльями и сиреновой грудкой. Длинные перья ее хвоста были скрещены наподобие ножниц. Я нерешительно ткнула пальцем в картинку.

– Эта? – спросил дедушка.

Я кивнула головой.

Дедушка положил руку на книгу – и произошло чудо. Птица на картинке шевельнулась, вытянула лапку, расправила крылья, потом спрыгнула со страницы на стол и спокойно устроилась в открытой клетке. Я во все глаза глядела то на чистую страницу, то на улыбающегося дедушку, то на клетку... А птица уже запела. Ну и удивительной была эта

песня! Ее звуки, как маленькие серебряные ложечки, вливали в сердце покой и радость.

Я не знала, чем отблагодарить дедушку. А он как ни в чем не бывало приподнял абажур на лампе и снова осветил мне дорогу, чтобы я не споткнулась на лестнице.

Я вбежала в кухню с моим сокровищем.

– На этот раз ты возвратилась с пустой клеткой, – заметил папа, откладывая газету.

Я припомнила все, что сказал мне дедушка, не стала спорить, а просто попросила папу повесить клетку на стене между окон.

Отец молча повесил клетку, понимающе кивнул маме и возвратился к своему чтению.

И весь вечер я разговаривала с моей птицей.

Прошло время. Скоро уже все ребята нашего квартала знали, что у меня в позолоченной клетке живет сиреневая птица, которая поет лучше соловья. Все, кто были допущены посмотреть на нее, уходили в восхищении. Мои друзья передавали на ушко друг другу, что птица невидима для взрослых, и посвященные были горды обладать таким секретом. Слава и почтение окружили меня. Девчонки мне подчинялись. Мальчишки искали моей дружбы. Моя слава стала еще больше, когда выяснилось, что я лучше всех стала решать даже самые трудные задачки по математике...

И вдруг мое счастье рухнуло.

Как-то вечером, сев за свои уроки, я взглянула на клетку – и остолбенела: она была пуста! Я бросилась к отцу:

– Это ты выпустил птицу?

– Какую птицу?

– Мою, из клетки!

– Ну что ты, я никогда не видел птицы в этой клетке!

Я выскочила из кухни и взлетела вверх по лестнице на мансарду. На стук мой никто не отозвался. Тогда я сама открыла дверь и увидела дедушку: он сидел за столом, уронив голову на руки. Я позвала его, но он не шелохнулся. Яркий свет освещал толстую книгу, раскрытую перед ним. Мое горло сжалось. На странице снова, как прежде, была нарисована моя птица. Она глядела на меня невидящими черными глазами.

– Дедушка, вы мне ее отдадите, ведь правда? – закричала я.

В ответ только холодный сквозняк дунул из угла и шевельнул страницы волшебной книги...

Волна и альбатрос

Никогда еще такой отважный

альбатрос не летал над прибрежными скалами. Его крылья были словно из снега. И слетел он к самой прекрасной волне, что бушевала у подножия скал.

Волны почти не привязаны к жизни. Не успеют родиться – и уже рассыпаются на тысячи беспечных брызг. Но когда прекрасная волна увидела красавца альбатроса, то пришла в восхищение и ей захотелось жить.

Альбатрос заметил, что волна, на которой он качается, не желает его уступать ни одной из своих сестер. Надо сказать, что волны и альбатросы от века говорят на одном и том же морском языке – и вот между ними завязался разговор.

– Ты самый стройный и гибкий альбатрос из всех, что летали над прибрежной скалой, – начала волна. – Даже солнечный луч блаженствует, когда прикасается к твоим перьям.

У альбатроса от удовольствия порозовели кончики крыльев.

– А ты самая очаровательная волна из всех, что рождались на море, – поспешно ответил он, – и солнечный луч не помнит себя от счастья, скользя по твоему струистому телу.

Нетрудно догадаться, какой оборот принял разговор, начавшийся с таких признаний. Спустя час волна и альбатрос обменялись клятвами вечной верности.

И для влюбленных началось блаженное время. Волна, волнуясь от нетерпения, ждала альбатроса у подножия скал, и, едва завидев друг друга, они спешили рассказать обо всем, что увидели и что передумали, пока были в разлуке.

– Что там на суше? – спрашивала волна.

– Нет, сперва ты расскажи. Что там на дне морском? – допытывался альбатрос.

Они то и дело заливались счастливым смехом и любили друг друга так сильно, что альбатросу порой казалось, будто тело у него из пены, а волне – будто у нее за спиной вырастают оперенные крылья.

Однажды утром на песчаной отмели волна увидела красивое золотое кольцо. Она подняла кольцо и поспешила к скале, в упоении представляя себе, как подарит кольцо альбатросу. А тому не терпелось украсить подругу цветами, и он принес ей в клюве первый мак, распутившийся в этом году. И этот мак был такой яркий, такой чудный, что все волны

теснились вокруг и забирались друг другу на плечи, чтобы на него полюбоваться.

А волна радовалась не меньше альбатроса, надевая ему на лапку сверкающее золотое кольцо.

– Может, мы поженимся? – вскричал альбатрос. – Поженимся и будем вместе до последнего вздоха!

Пожениться? Поначалу они и помыслить об этом не смели. Волны всегда вступали в брак с волнами, альбатросы – с альбатросами.

Их счастье впервые омрачилось тенью беспокойства.

– Мне нужно будет испросить согласия морской королевы, – сказала волна.

– А мне – птичьего короля, – добавил альбатрос.

Но они так любили друг друга, что решились немедленно исполнить задуманное. И расстались, надеясь на благополучный исход дела.

Волна свернулась водяным колесом и покатила с уступа на уступ в глубины подводного королевства.

Как всем известно, морская королева – это кит-касатка. Но не все знают, что касатка живет в невидимом дворце, построенном из стекла, причем стекло это точь-в-точь такого цвета, как вода. Волна долго билась о дворцовые стены, пока не набрела на пышные двери из розового перламутра с обивкой из синих водорослей. У дверей не было никакой

стражи, только сновали взад и вперед бесчисленные эскадроны рыбок. Волна миновала одиннадцать гротов, пробежала по тринадцати коридорам, спустилась по тремстам лестницам и наконец влетела в зал аудиенций, высокий и просторный, как собор.

Посреди зала на нефритовом постаменте возвышался трон из золота и янтаря. На троне восседала королева с алым коралловым скипетром, подобным огромному дереву с исполинской морской звездой на верхушке. Долгие годы приходилось совлекать одежды со всех утонувших королев, принцесс и знатных дам, чтобы изготовить подбитую горностаем пурпурную мантию, в которой красовалась морская королева. А для того, чтобы доставить ей корону, украшенную драгоценными камнями в виде морских коньков и ежей, пришлось отрядить тридцать трех дельфинов. На ступеньках трона разлеглись сирены; они пели, подыгрывая себе на арфах.

Волна робко пробилась сквозь толпу рыб-мечей, рыб-лун, летающих и светящихся рыб, кашалотов, мурен, дорад, сгрудившихся у подножия трона.

Вопреки своей внушительной внешности касатка – добрейшая королева на свете. Просителей она встречает широкой улыбкой, а ее маленькие глазки светятся умом и пониманием.

Она сразу же приметила волну благодаря маку, который та гордо воткнула себе в прическу.

– Ну-ка, ну-ка, зачем пожаловали ко мне во дворец? – воскликнула она.

Когда волна пылко поведала ей о своем возлюбленном альбатросе, королева рассмеялась и охотно дала ей разрешение на брак.

Волна, вне себя от радости, уже покидала дворец морской королевы, а между тем альбатрос еще только добрался до причудливого убежища, которое избрал себе птичий король.

В то время королем был не орел, самый сильный из всех пернатых, не павлин, самый красивый, не лебедь, самый белый, не соловей, самый певучий. Нет – птичьим королем был старый безобразный пингвин со шпагой на боку, в узорной кирасе и генеральском шлеме. Он считался одновременно волшебником, колдуном, лекарем, алхимиком, гадалцем, чародеем, предсказателем, отравителем и некромантом. Никто не умел лучше предсказывать лихую судьбу, вызывать вампиров, открывать отравленные источники, убивать, не оставляя следов. Он стал королем, потому что всех запугал. Но он и сам боялся других не меньше, чем они его. Вот почему пингвин поселился в укрепленном замке, вытесанном в огромном айсберге. Этот айсберг все время плывал с места на место, так что никому не было известно в точности, где сейчас находится король. Во льду были проложены длинные узкие туннели, они бесконечно сходились и расходились, и в этом лабиринте невозможно было не заблудиться. На каждом перекрестке дежурил зеленоглазый осьминог; его липкие щупальца обвивали непрошеного гостя, который мигом оказывался в ненасытной утробе.

Только неукротимая юная отвага могла погнать альбатроса на поклон к такому монарху. Но влюбленные ничего не боятся, и подчас им сопутствует удача.

Пятая встреченная им морская ласточка сказала, что только что пролетала над королевским айсбергом. А дежурство у подъемного моста несли чайка, которой альбатрос доводился внучатым племянником.

Чайка, брюзжа, проводила его к королю – она сама побаивалась его капризного нрава.

Король принял альбатроса в своем кабинете, там было полным-полно птичьих скелетов, колдовских книг в переплетах крокодиловой кожи, перегонных аппаратов и котлов, разрисованных зелеными и красными спиралями. Семь сов толпились вокруг пингвина, занятого приготовлением приворотного зелья из черепашьего панциря, истолченных в порошок жаб, моржовой крови и белладонны. Сквозь стены сочился удивительный голубовато-зеленый свет, придававший глазам отравителя демонический блеск.

Король прервал альбатроса на полуслове.

– Взять в жены волну! – взвыл он, заметив золотое кольцо. – И ты, альбатрос, посмел меня побеспокоить, чтобы я разрешил тебе такой мезальянс!

Он схватил ершик для мытья колб, обмакнул его в зелье и брызнул на альбатроса. Капли зелья были ледяные, и альбатрос почувствовал, как его пронзил смертный холод, а пингвин ухмыльнулся:

– Ты полюбил дочь морей? Что ж, вот и превратишься на закате в клочок пены. Отдай золотое кольцо моим совам и ступай прочь, да поживее, потому что ты заслужил еще не такой суровой кары.

Продрогший и отчаявшийся альбатрос покинул айсберг, и теперь ему хотелось только одного – до заката добраться до скалы, у которой его дожидалась волна.

36

– Лишь бы она вернулась со дна морского, – стонал он. – А не то я умру и больше ее не увижу! И что она будет обо мне думать?

Представляя себе, как волна вообразит, будто он ее бросил, он страдал больше, чем от страха смерти. И взмахивал крыльями что было сил, и мчался вперед.

Ему казалось, что он никогда не долетит. Горе подтачивало его силы; солнце спустилось уже совсем низко, и вот наконец он увидел свою волну – она весело махала ему цветком мака.

Рыдая, он рухнул на песок рядом с подругой и рассказал ей свои печальные новости.

– Господи! Все это из-за меня! – застонала волна. – Не надо было мне тебя отпускать.

– Нет! Ты тут ни при чем! – твердил альбатрос. – И потом, ведь мы были так счастливы! Если бы надо было снова лететь к птичьему королю, я полетел бы без малейших колебаний.

И они обнялись что было сил.

Когда солнце достигло горизонта, альбатрос, будто младенец, скользнул на руки волне. И она затащила долгую, жалобную морскую колыбельную, ту, что поют сирены умирающим морякам. А когда солнце скрылось, на груди у волны дрожал только клочок пены.

С тех пор, что ни день, у подножия скалы раздается таинственная жалоба, идущая из морских глубин, словно это жалуется само море.

Так волна оплакивает свою любовь и вечно баюкает на груди маленький клочок пены, как баюкают засыпающего ребенка.

Ярмарка

В нашей деревне весна начинается сразу. Появятся две-три маргаритки на берегу ручья, взлетит ласточка над высокой колокольней, расцветут на площади карусель, качели и яркая палатка праздничного тира.

В воскресенье у нас весенняя ярмарка. С утра ветер играет разноцветными флажками над балаганами и фургонами.

Дух захватывает, когда смотришь на качели, где мальчишки и девочки громко хохочут и толкаются в ярких лодочках и корзинах. И завидую же я сверстникам! Но мы бедные, да к тому же у меня столько братьев и сестер! В этом году денег насилу хватило, чтобы купить мне пару простых башмаков. Вот и все, что принесла мне весенняя ярмарка.

Поглазев на палатки, наслушавшись праздничного шума и гама, я пошел к фургонам, стоявшим на краю деревни. Эти фургоны приезжают к нам так издалека, что порой можно увидеть какую-нибудь неизвестную травку, прицепившуюся к колесам. А иногда внутри сидят ручной медведь или попугай, обезьяна или сурок. Прижмешься лицом к ставням,

которые закрываются бесшумно, как веки, и сквозь узкую щелку вглядываешься в загадочную полутьму...

На этот раз позади трех зеленых фургонов, которые обычно появляются в нашей деревне перед каждой ярмаркой, я увидел еще один, голубой и невысокий. Его ставни, украшенные позолоченными якорями, были плотно закрыты. Это был фургон странствующего фокусника. Никогда раньше он к нам не приезжал. Говорили, что фокусник может предсказывать будущее, и его фургон даже издали казался мне таинственным.

Едва я подошел, как снизу, из-под дощатого дна, раздался голос:

– Что ты здесь делаешь?

Я смутился и заглянул под фургон, но там никого не было.

– Отвечай, – повторил голос, – что тебе надо?

Я испугался и собрался было бежать, как вдруг увидел внизу маленькую черепаху, в упор глядящую на меня лукавыми глазками. Черепаха, как видно, поняла, что я совсем сбит с толку, и спросила меня уже помягче:

– Так что же ты здесь делаешь, совсем один, когда вокруг праздник?

– У меня нет денег на ярмарку, – отвечал я. – Мы бедные, и здесь, в тишине, легче забыть об этом...

Черепаха покачала головой и надолго замолчала. Я не знал, как поступить. Остаться? Уйти? За спиной заманчиво шумела площадь, а тут – эта странная черепаха, задумчиво смотрящая мне в глаза.

– А хочешь, я отведу тебя на большой весенний праздник? – наконец сказала она. – Ты бы там повеселился в свое удовольствие. Ну как? Согласен? Тогда отстегни мою цепочку от фургона.

Это было проще простого. Черепаха важно поблагодарила меня и, выглянув из-за колеса, внимательно осмотрелась.

– Волшебный мир полон незримых врагов, – сообщила она мне. – Мой хозяин слишком дорого платит за дар предвидеть будущее, и я – жертва этого зловещего дара... Хотя... зря я тебе объясняю, все равно ничего не поймешь! Скажи-ка лучше – видишь, на моем панцире нарисован маленький якорь? Надави, пожалуйста, на него и сдвинь панцирь с места...

И вот, едва я прикоснулся к панцирю, как он открылся с сухим треском. Черепаха сбросила его – и начала прямо на глазах меняться. Лапы потеряли гадкую кривизну, тело стало тонким и стройным, а головка – изящной. Я и ахнуть не успел, как передо мной оказалась девочка – самая красивая на свете! На ней было розовое шелковое платье, туфли, украшенные драгоценными камнями, – и она покраснела, заметив, что из-под ее платья была чуть-чуть видна кружевная юбочка. Я застыл от удивления, и тогда девочка, улыбаясь, поднесла крохотный пальчик к моим губам.

– Обещай, – сказала она, – что не будешь ничего у меня спрашивать. А теперь – в путь!

Я протянул ей руку и взобрался следом за ней по лестнице фургона.

– Найя, живей, пропусти нас! – приказала она деревянной змее, вырезанной на двери.

Змея тотчас проснулась, развернула кольца, и я увидел отверстие, достаточно большое, чтобы мы проникли внутрь. Дневной свет еще несколько мгновений окружал нас, потом Найя свернулась, и наступила полная тьма.

– Не бойся! – шепнула девочка. – Я сейчас достану карманный фонарик.

Я услышал шорох ее шелкового платья – и внезапный узкий луч проколол темноту.

– Где же стены фургона? – вырвалось у меня.

– Ты согласился не задавать никаких вопросов, – напомнила моя спутница. – Пошли!

Конус яркого света пропал во мраке. Я молча шагал рядом с девочкой, искоса разглядывая ее. Она была как розовое облако, скользящее по небу майским вечером, и при каждом шаге камешки на ее туфельках вспыхивали разноцветными звездами...

Я все забыл: родителей, нашу бедность, деревню. Мне было так хорошо – казалось, я уже целую вечность иду по этой невидимой тропинке, и, когда девочка, улыбаясь, поглядывала на меня, мне хотелось прыгать от счастья.

Огромный дуб загородил нам дорогу, вежливо поклонился и внезапно произнес:

– Ковер готов, Жизель!

Пока мы пробирались между двух исполинских перепутанных корней, я спросил:

– Жизель – это ваше имя?

– Уж больно ты любопытный! – отозвалась она.

Мы очутились на ковре, и он тотчас взлетел, да так быстро, что у меня ёкнуло сердце. Не успел я оглянуться, как дневной свет ослепил меня. Вскоре я различил просторную поляну: она была уставлена ярмарочными палатками, и повсюду сновали разряженные по-праздничному животные.

Посмотрев на мою растерянную физиономию, Жизель расхохоталась:

– Не ожидал, да? Пошли, не стой, как простофиля!

И она потащила меня к первой же палатке, где были выставлены напоказ целые стада зверюшек из сахара, нути, марципана, помадки и шоколада.

– Выбирай, – сказала Жизель.

– У меня же нет ни гроша, – ответил я, бросая косые взгляды на белую корову, сидевшую в глубоком кресле перед самым входом в палатку.

– Ах да, вот волшебные жетоны!

Жизель вытащила полную горсть жетонов и опустила их мне в карман.

Я протянул один из них корове и хотел взять мышку из помадки. Куда там! Мышка вывернулась из моих пальцев и исчезла под прилавком.

– Вы не слишком-то ловки, – холодно обронила корова и протянула мне мышеловку и серебряную бумажку.

– Подготовь мышеловку, – подсказала Жизель, – и положи в нее, как приманку, эту бумажку. Вот так! А теперь поставь мышеловку сюда!

Не успел я примостить мышеловку, как из-под прилавка выглянула моя сбежавшая добыча, попыталась схватить серебряную приманку, и мышеловка захлопнулась.

– Ешь ее быстрее! – вскрикнула Жизель. – Ты что, хочешь, чтоб она опять от тебя убежала?.. А я лучше съем шоколадную рыбку!

И она протянула корове свой жетон.

– Вот ваша удочка и приманка, – сказала корова.

Жизель наживила крючок и провела удочкой над прилавком... Хоп! Снизу выпрыгнула шоколадная рыбка – и повисла на крючке.

– Видишь, как просто! – Жизель положила рыбку в рот. – А ты чего ждешь?

Я боялся признаться, что мне еще не доводилось пробовать живые конфеты.

– Не волнуйся, они не живые, – разгадала мои мысли Жизель. – Ешь!

В тот же миг мышка прыгнула мне в рот и под громкий смех Жизели стала вертеться вокруг моего языка... Ну и вкуснотища!

В это время к палатке подошел кот в котелке и широком красном галстуке. Он бросил свой жетон на прилавок и тут же кинулся на марципановую крысу – та только пискнула, а кот уже удалился, обсасывая свой трофей и роняя от удовольствия слюни.

– Приятно иметь дело с теми, кто понимает толк в охоте, – заметила корова, презрительно глядя на меня.

– Жизель, а можно я еще съем утку из нуги? – расхрабрившись, спросил я.

Корова протянула мне ружье, заряженное серебряной фольгой.

– Целься наверняка, – посоветовала Жизель, – а то волшебный жетон пропадет.

Паф!.. И утка упала мне в руки.

– Съешь ее по дороге. Пойдем на летающую карусель!

Никогда в жизни я не видел такой замечательной карусели! Вместо привычных лошадок прямо в воздухе кружились птицы и бабочки, разукрашенные многоцветными зеркалами. Они вращались в целом ливне бенгальских огней, рассекая воздух большими поющими крыльями и взлетая на несколько метров от земли. Я не успел опомниться – и уже оказался на спине одной из птиц, которая ринулась к небу, встряхнув меня, как микстуру в бутылке. Все засмеялись – и я громче всех.

Какой-то поросенок, маленький шутник, подлетел ко мне сзади и, схватив за рукав, попытался столкнуть меня вниз. Пока я от него

отбивался, Жизель, раскрасневшись от удовольствия, побежала к качелям. Качели висели на шее жирафа, и всего за один жетон он принимался раскачивать их так нежно, что закроешь глаза – и кажется, будто плывешь на облаке...

Я прыгнул на землю – и тут же другой шутник, слоненок, свалил меня ударом хобота в большую коробку с конфетти. Еще хорошо, что Жизель оказалась рядом и вытащила меня оттуда! И вот под градом леденцов, красных и голубых, мы пустились в плавание на волшебной гондоле к зеркальному дворцу. Поверх каждого зеркала перламутровыми буквами были написаны названия разных животных. Заглянешь в такое зеркало – и увидишь себя то лебедем, то свиньей, тюленем или ослом, львом, кенгуру или бегемотом. Я заглянул в одно из зеркал и увидел неуклюжего дикобраза в новых башмаках... Вот потеха! Зато Жизель оказалась очень грациозным лебедем, и я заметил, что она с сожалением покидает дворец, чтобы показать мне редкость еще более удивительную: кота-трубу.

– Погляди-ка, – сказала Жизель.

И я увидел рыжего кота, который лениво прогуливался в кругу зевак. Внезапно он растянулся на земле и начал перебирать лапами, изгибаться и гримасничать так быстро, что и не уследишь. И вот – вместо кота на траве оказалась красивая медная труба, на которой каждый желающий мог сыграть что душе угодно. Когда до меня дошла очередь, я тоже попробовал дунуть в мундштук... Мяу! Труба снова превратилась

в рыжего кота, и тот живо исчез, оставив у меня в руках только шерсть с хвоста. Я был растерян, а толпа хохотала.

Потом мы бродили от одного балагана к другому, распевали, кричали, смеялись, прыгали и размахивали руками. Наконец у меня закружилась голова, и я взмолился:

– Я хочу пить, Жизель, ужасно хочу пить! Хорошо бы немного отдохнуть, если можно!

– Вот как раз козлий бар, – ответила она. – Зайдем!

Козочка в кружевном чепце принесла нам два стакана волшебного коктейля: с каждым глотком остаток в стакане менял цвет и вкус.

– Как замечательно, Жизель! Можно я выпью еще немножко?

– Смотри, не захмелей! – предупредила она.

И впрямь, животные, сидящие за столами вокруг нас, растворились в каком-то тумане, лицо Жизели немного расплылось перед моими глазами – я только увидел, что она наклоняется ко мне, и, осмелев, зашептал:

– Я тебе так благодарен за все это счастье!

Она покраснела и опустила глаза.

– Ах, Жизель, какая ты славная! – продолжал я. – Слушай, если я когда-нибудь женюсь, то только на тебе!

– Замолчи! Ты сам не знаешь, что говоришь!

– Нет, правда, мы купим маленькую мельницу на берегу реки и...

– Да замолчи ты, пожалуйста! Волшебный мир ужасен, ты никогда не сможешь его понять!

Она хотела прикрыть ладонью мои губы, но я схватил ее за руку и продолжал пуще прежнего:

– Представляешь, ты бы делала завтрак, а я приходил бы, весь белый от муки, и мы бы пили кофе и смотрели на ласточек.

– Дурачок, моя родина здесь, в этой волшебной стране, а ты знаешь...

Тут дверь с шумом распахнулась, и я увидел фокусника, залитого зловещим светом. Раздался страшный грохот, в котором потонул прощальный возглас Жизели...

И вот – я снова очутился один-одинешенек на проселочной дороге, и до моего дома нужно было еще идти и идти...

В нашей деревне опять весна. Как водится, она началась сразу. Несколько маргариток на берегу ручья, ласточки вокруг колокольни, а на площади – карусель, качели и яркая палатка праздничного тира. Сегодня воскресенье, и с утра ветер играет с разноцветными флажками над ярмарочными балаганами.

Я уже не стою, разинув рот, перед качелями. Нет... Я вновь пошел бродить вокруг фургонов. Весна разукрасила цветами поляну вокруг странного балагана, появившегося на ярмарке. Битый час я слонялся вокруг него. Вместо передней стены свисал большой раскрашенный занавес, на котором парила среди звезд нарисованная девочка в розовом платье. Я не мог отвести глаз от этого занавеса и вновь и вновь думал

об исчезнувшей Жизели и о нашем прошлогоднем приключении в волшебной стране. Сердце подсказывало мне, что эта летящая среди звезд девочка – Жизель. И я ждал, не случится ли чудо.

Наконец занавес раздвинулся. Появилась огромная женщина и принялась дудеть в медную трубу, да с такой силой, что ее усыпанное блестящими платьями, казалось, вот-вот лопнет по швам. В минуту вся деревня собралась вокруг балагана, чтобы увидеть представление.

На подмостки выскочил господин в цилиндре и в смокинге. Он бросил черный плащ с красной шелковой подкладкой на руки женщине-трубачу и вынул колоду карт.

Меня бросило в жар. Это он, тот самый прошлогодний фокусник, который мог предсказывать будущее! Я узнал его, несмотря на монокль и накладную черную бороду! Да, да, только он умел так жонглировать картами, это его сиплый голос раздался в наступившей тишине:

– Здравствуйте, дамы! Здравствуйте, господа! Найдется ли среди вас кто-нибудь, кто согласится выполнить мою просьбу и подняться на сцену?

Никто не ответил, и он продолжал вкрадчивым голосом:

– Господа, решайтесь! Самый смелый из вас будет смотреть наше представление бесплатно!

Крестьяне недоверчиво переглядывались.

А я... Не знаю, что на меня нашло. Неведомая сила толкнула меня к подмосткам. Я пробился сквозь толпу и решительно поднялся на сцену.

– Вот малец, который уже воображает себя мужчиной! – закричал фокусник. – Но поскольку в этой деревне нет мужчин, я приветствую его от всего сердца!

Какие смешные люди, если смотреть на них сверху! Видишь только множество лиц и любопытных глаз.

Я успел заметить моего школьного учителя, который поглядывал на меня с удивлением, а фокусник уже вытаскивал карты из моих карманов, рукавов и башмаков к большому удовольствию зрителей. Потом он стал требовать у меня свои часы, утверждая, что я их украл у него. И в самом деле, он нашел часы в моем кармане. Наконец он вынул яйцо у меня из-под мышки, попугая из моей кепки и, не успев я опомниться, втолкнул меня внутрь балагана. Я оказался в маленьком пустом зале, стены и потолок которого были обиты черным бархатом с нарисованными звездами. Смелость моя куда-то пропала, и я задрожал от страха – в то время как за моей спиной раздавался глухой голос фокусника:

– И это пустяки, дамы и господа, по сравнению с тем, что вы увидите внутри. Самый таинственный из аттракционов! Летающий ребенок!

Вновь зазвучала труба, и скамьи вокруг меня стали заполняться шумными деревенскими жителями.

Когда я наконец огляделся, смех уже смолк, разговоры улеглись, и из-за кулис до нас снова донесся голос фокусника:

– Настоятельно просим вас, дамы и господа, соблюдать полную тишину во время представления!

Удар гонга – и занавес раздвинулся.

Она!.. Это она! Жизель! Как же она выросла за этот год!

Ее глаза стали еще больше, еще печальней. Она улыбнулась зрителям, а я от волнения не мог ни шевельнуться, ни махнуть ей, чтобы она меня увидела.

Лампы погасли. Проектор подхватил Жизель своим лучом и поднял над землей. Ее руки мягко отстраняли воздух, она поднималась, раскачивалась, изящно откидывала голову, опускалась и вновь поднималась, как легкое перышко на ветру. Потом она стала парить над нами. Она летала из одного конца зала в другой, разбрасывая полные пригоршни серебряных лепестков. Казалось, идет дождь из мельчайших капелек света. Это было невероятно, и, как в прошлом году, я все забыл: нашу бедность, родителей, деревню... Сердце мое забилося как сумасшедшее. Я снова увидел себя в волшебном мире. Восторг опять захлестнул меня, и, словно не по своей воле, я вдруг закричал:

– Жизель! Жизель! Это я!

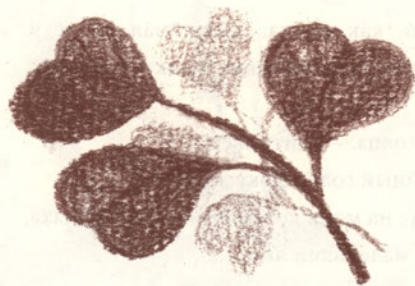
Она застыла прямо надо мной, как птица, сраженная на лету. Мы встретились глазами, и внезапно, под громкие крики зрителей, она упала мне на колени.

– Свет! Свет! – заорала в страхе толпа. – Дайте свет!

– Пожалуйста! – раздался спокойный голос фокусника.

Щелкнул выключатель. И я замер: на моих коленях лежала черепаха, на панцире которой был нарисован маленький якорь...

Дьявольская герань

Каждый вечер перед сном

господин Цехин не забывал начертить на полу магический круг. Он старательно выводил его обломком красного железняка, ставил две горящие свечи, окруженные веточками вербены, и поджигал ивовые угольки, облитые виноградной водкой. А затем произносил заклинание и призывал дьявола принести ему сундук, полный золота. Господин Цехин долгие годы прослужил садовником при королевском дворе и, возможно, оттуда вынес пристрастие к богатству и почестям. Но, кажется, дьявол вовсе не обращал внимания на этого человечка с угловатыми локотками и острой бородашкой. Его желания никак не хотели исполниться, и господин Цехин из вечера в вечер снижал цену, за которую собирался продать свою душу. Все кончилось тем, что однажды он попросил дьявола всего лишь помочь ему вывести новый вид герани – это позволило бы ему с честью завершить труд всей его жизни.

Утром, едва протерев глаза, господин Цехин взглянул на свой магический круг.

– Черт возьми! – пробормотал он. – Кажется, я еще сплю!

Он тер глаза, щипал себя за ляжки, чесал в затылке, но должен был признать, что все происходит наяву: в центре круга в цветочном горшке росла роскошная герань неведомого вида.

Он бросился на колени, чтобы поближе рассмотреть цветок, и тут же задумался о важности совершенной сделки. Продать душу за сундук золота – еще куда ни шло! Но за горшок с геранью...

Говоря по правде, господин Цехин не очень-то верил в силу магического круга и что ни день вычерчивал его на полу больше по привычке, нежели с убежденностью.

Ему вдруг стало понятно, что в конце концов он продал бы душу и за пуговицу от подштанников, если бы дьявол, явно теряя терпение, все-таки не исполнил его желание.

«Кажется, я влип!» – подумал господин Цехин.

Он был весьма пунктуален: пробило семь часов, и пора было приниматься за утренний туалет. Руки его дрожали; неловко побрившись, он огляделся в поисках гребенки и тут услышал насмешливый голос:

– Ищите гребенку? Она здесь! Какой-то муравей укусил меня за стельку, вот я и взяла ее почесаться.

Он обернулся в сторону герани и попятился, увидев, что растение протягивает ему его гребенку.

Больше всего на свете господин Цехин ненавидел тех, кто имел несчастье воспользоваться его личными вещами. Тем не менее долгие годы, проведенные среди цветов и придворных, приучили его к исключительной обходительности, поэтому он изобразил на лице самое вежливое выражение, на которое только был способен, и ответил:

– Вы оказали мне огромную честь, воспользовавшись моей гребенкой, и очень любезны, возвращая ее как раз в тот момент, когда она мне понадобилась.

– Не слишком ли много чести? – проворчала герань. – Забирайте гребенку, да поживей! В ней как раз застряли ваши вычески, они ждут вас с нетерпением!

Густой румянец залил щеки господина Цехина: за все годы службы при дворе никто никогда не осмеливался говорить с ним таким тоном. Однако он сумел взять себя в руки и продолжал еще более слащаво:

– Да знай я, что там, на вашем стебельке, осталась хоть крошка зуда, меня бы замучила совесть от одного сознания этого!

– У меня вовсе не такая чувствительная кожа, как у вас, чтобы из-за такого пустяка чесаться ночи напролет! – съязвила герань и, не в силах более совладать с отвращением, бросила гребенку на землю.

Господин Цехин почувствовал себя глубоко задетым, – оказывается, герань знала то, что он ото всех скрывал. Он похвастался своим здоровьем, но был болен неизлечимой экземой, которую охотно поменял бы на любую другую болезнь, до того ему опостылело все время намазывать

руки специальным кремом. Бывали дни, и садовник вспоминал о них с неприязнью, когда из уважения к цветам он вынужден был натягивать белые перчатки, чтобы заниматься своей работой.

И все же дерзость цветка его насторожила. Он догадывался, что герань просто хочет его разозлить, и повод к этому был весьма подходящий.

Господин Цехин с обычной тщательностью продолжил заниматься туалетом, размышляя о том, как теперь следует поступить. Прежде он свою душу и в грош не ставил; теперь же она казалась ему бесценной. Будучи большим хитрецом, он был вынужден согласиться, что дьявол понимает толк в таких вещах. Эта герань, каждый бутон которой сверкал, как большой ограненный бриллиант, выглядела просто волшебным, и он не сомневался, что на ближайшем празднике цветов окажется победителем. Даже орхидеи померкнули перед таким чудом.

Он снова склонился над геранью и вдруг заметил среди ее листьев маленькую желтую птичку с зеленоватыми разводами; глазки ее так и сверкали.

– Надеюсь, – сказала герань, – мои друзья – это и ваши друзья.

– Можете совершенно не сомневаться на этот счет, – откликнулся господин Цехин. – Даже друзья друзей ваших друзей – это мои друзья!

– Тогда не позволите ли воспользоваться вашим гостеприимством? – спросила птичка

– Вы у себя дома! – с готовностью ответил садовник.

Птичка взлетела, а потом уселась на его шляпу, которую господин Цехин каждый вечер аккуратно клал на самый уголок камина.

– Прекрасный котелок, не правда ли? – продолжала птичка. – Какое удобное место, чтобы свить здесь гнездо!

И, повернувшись к садовнику, добавила:

– Я могу начинать?

– Как вам будет угодно! – ответил тот. – Прошу вас!

Птичка стремглав перелетела на занавеску и тотчас вытянула из нее пару нитей; затем вспорола клювом перину и раздобыла несколько перышек; из ковра вылустила шерстинки и перенесла в котелок катышки ваты, которыми господин Цехин затыкал на ночь уши.

Птичке явно не было никакого дела до хозяина дома, и он отвернулся, чтобы скрыть свою ярость; но тут пробило восемь часов. Пора! Он понимал, что будет весьма неуместным востребовать свой котелок, поэтому достал из платяного шкафа большую соломенную шляпу, служившую ему верой и правдой, пока он работал при королевском дворе.

Едва птичка ее заметила, как воскликнула:

– О, вот как раз то, что мне нужно! Птенцов своих я кормлю червяками, а в соломе они дольше всего сохраняются свежими. Вы будете очень любезны, если одолжите мне эту шляпу!

– Раз так, – ответил господин Цехин, – она в вашем распоряжении.

Выйти из дома с непокрытой головой казалось ему совершенно недопустимым, но в нем еще сохранялись остатки учтивости, а тогда к чему спорить?

В тот миг, когда он переступал порог своей комнаты, горшок с геранью вдруг подпрыгнул на месте и оказался у него в руках.

– Наша птичка только что снесла шесть яиц, – сказала герань. – Она должна их высидеть и волей-неволей станет охранять дом. А мне не терпится пойти вместе с вами!

– Вы очаровательны, – буркнул господин Цехин, подхватывая цветочный горшок. – Уж и не знаю, как вас отблагодарить за то, что вы решили составить мне компанию!

– Жаль, что вам не удалось как следует побриться, – продолжала герань. – Когда дрожат руки, идут к цирюльнику.

– Само собой разумеется, – парировал господин Цехин, раздражаясь еще больше. – Однако позволю себе заметить, что парикмахерские в этот час еще закрыты.

– А скажите-ка, вы не страдаете близорукостью?

– Вполне возможно... Мы так плохо себя знаем!..

– Еще бы! Да встретить вы сейчас за углом вашу душонку, вы бы ее попросту не признали, до того эта оборвашка грязная и замызганная!

Такой намек на сделку с дьяволом озадачил господина Цехина. Он был настолько потрясен, что опомнился, только оказавшись в городском саду. Герань продолжала сыпать колкими словечками, но садовник

ее не слушал. Он уже видел себя, совершенно голого, вертящегося в аду на огромной сковороде; его бросило в жар, и он опустился на скамью, чтобы утереть пот со лба. Его тут же окружили другие садовники и принялись рассматривать герань.

– Какой же вы скрытный, господин Цехин! – воскликнул толстяк Гийом с почтением, свойственным королевским садовникам. – Черт возьми! Никто даже не догадывался, что вы продолжаете работу и выводите новый вид герани. Как бы там ни было, этот экземпляр восхитительный!

– Черт возьми? – переспросил с отсутствующим видом господин Цехин. – Именно что так!

– Да понимаете ли вы, – продолжал толстяк, – что с этой геранью завоюете самый главный приз нашего конкурса?

– Вы полагаете? – наострил ухо старый садовник, и его давнее желание вспыхнуло в нем с новой силой.

– Без сомнения, – подтвердил Гийом, и остальные дружно закивали головами.

Тем временем все сгрудились над горшком с геранью, и коротышка Селестен воскликнул:

– Какой прекрасный цветок, но у него странный запах! Будто серой пахнет...

– Серой пахнет? – повторил господин Цехин и еле удержался, чтобы не разбить горшок о землю.

Из-за хронического кашля и насморка он уже долгие годы не различал запахов, а слова коротышки Селестена дали ему понять, что в его руках не герань, а сам дьявол, который принял такой необычный вид, чтобы посмеяться над ним еще больше.

Садовник стремительно поднялся и, сославшись на срочное дело, пошел по направлению к церкви. Поглощенный своими мыслями, он не обратил никакого внимания на язвительный смех герани. Войдя в церковь, господин Цехин хотел было окунуть цветок в чашу со святой водой, но горшок так резко вырвался из его рук, что старик опрокинулся навзничь и отлетел к одной из колонн.

– Не стоит так откровенно хитрить! – пригрозила герань, едва тот встал на ноги.

– Поверьте, моим единственным желанием было доставить вам удовольствие, – пробормотал господин Цехин. – Ведь растение следует поливать.

– Ну, конечно, – возмутилась герань. – И для этого надо наполнять ядом детский рожок! Смеется тот, кто смеется последним.

– Пусть Ваше Превосходительство соизволит простить меня, если...

– Перестаньте болтать вздор, – прервала его герань. – Я хочу спать. Не смейте меня тревожить и не вздумайте разбудить, когда я буду видеть сладкий сон.

– Я ваш смиренный слуга, – склонил голову господин Цехин.

И он прижал горшок к своей груди, чтобы герань разместилась в нем как можно удобнее.

68 Под вечер герань проснулась. Господин Цехин несколько раз пытался избавиться от этого проклятого горшка – он то оставлял его на уличной скамье, то в ресторане, то в кафе, однако тот привлекал к себе столько внимания, что всякий раз какой-нибудь доброхот догонял садовника и отдавал ему забытый цветок.

Вернувшись домой, он с величайшими предосторожностями снова поставил горшок в центр магического круга. Занемевшая рука ныла, пальцы с трудом шевелились. Опустившись на стул, садовник принялся размышлять, каким образом можно избавиться от герани.

– Так-так! А где мой печеночный паштет? – вдруг возопила герань. – Вы что же, не знаете, что на ужин я ем печеночный паштет?

– Право слово, я не знал этого, – ответил господин Цехин. – Но если вам так хочется, я могу сходить к мяснику и купить пару ломтиков. Лавка мясника рядом, за углом.

– Так чего же вы ждете? Неужели не видно по моим лепесткам, что я умираю от голода?

Садовник бросился вниз по лестнице и, как только оказался снаружи, подумал о своей собаке, которую он отравил при помощи печеноч-

ного паштета. Аптекарь был его старым другом. Почему бы не попробовать еще раз?

Однако герань с огромным аппетитом слопала все до последней крошки, насмешливо поглядывая на господина Цехина, а тот никак не мог взять в толк, как себя следует вести.

– Обожаю приправу из стрихнина, – объявила герань, проглатывая последний кусок.

– Вы обладаете весьма оригинальным способом выражаться, – заметил господин Цехин. А про себя подумал, что надо быть последним глупцом, чтобы надеяться на отраву, – разве может яд, каким бы сильным он ни был, справиться с дьяволом?

Он принялся раздеваться, педантично укладывая одежду в платяной шкаф.

Сады за окном быстро погружались во мрак. Между тем комнату заливал свет, и господин Цехин с удивлением обнаружил, что цветы герани светились, как маленькие лампочки.

– Лишь бы только соседи ничего не заметили! – подумал он.

Садовник ложился спать всегда в одно и то же время с такой точностью, что по его гаснущему окну можно было сверять часы. И наутро ему было бы сложно отвечать любопытным, почему в его комнате до утра горел необычный свет.

Он понимал, что совершил страшную ошибку; перед его глазами во всех подробностях возникла старая картина, на которой художник

изобразил чертей, каплю за каплей льющих кипящую воду на головы смертных, преданных проклятию. Он хотел перекреститься. Но не успел поднести руку ко лбу, как звонкая оплеуха вернула его к реальности.

– Вот уже второй раз вы самым коварным способом пытаетесь нарушить наш договор, – громким голосом сказала герань. – Если вы дорожите вашей экзематозной кожей, не вздумайте опять браться за свое!

– Да я и не думал ни о чем таком, – ответил господин Цехин, клацая зубами от страха. – Моя матушка крестила меня каждый вечер, прежде чем отправить в постель, а вы знаете, какую силу имеет привычка молиться, если ее внушили с детства.

Он почувствовал, как от угроз дьявола смертный холод пронизывает его до костей, и по самые уши натянул на голову свой ночной колпак.

– Э, нет-нет! – возмутилась герань. – Пижама еще куда ни шло, но только не колпак!

– Ну что же, с большим удовольствием! Пожалуйста! – поспешил согласиться господин Цехин и церемонно поклонился герани.

А сам подумал: «Все! Никаких сомнений: ему нужна моя кожа». А заодно вспомнил и о своем хроническом кашле, который на сей раз измучил его больше прежнего.

Он печально скользнул под перину, но в тот же миг с громким криком отшвырнул ее далеко от себя.

– Только не вздумайте обидеть моих малышей! – откликнулась птичка, и ее голова, как пружинка, выскочила из шляпы. – Накройтесь и спите!

– Какие прелестные крошки! – пролепетал господин Цехин, разглядев, что к нему прижались шесть маленьких жабят, желтых, в зеленую полосу.

– Мне ни к чему ваши комплименты, – сухо ответила птичка. – Я знаю, что мои малыши прелестны. Я просто вас предупреждаю, чтобы вы их не раздавили, мужлан вы этакий!

И птичка исчезла в глубине шляпы.

Господин Цехин провел ужасную ночь. Когда какой-нибудь жабенок касался его, ему казалось, будто ледышка скользит по коже. Голова, лишенная привычного колпака, мерзла, зубы стучали от холода, а грудь сотрясал непобедимый кашель. Особенно тяжело ему было лежать на спине, но он и пальцем боялся пошевелить, опасаясь привлечь внимание неугомонной птички. Он тысячу раз прокручивал в голове и оценивал свою дурацкую сделку с дьяволом, тысячу раз раскаивался в своем поступке, тысячу раз проклинал черную магию и магические круги, тысячу раз представлял себе кошмарную судьбу целую вечность поджариваться живьем – и все ради чего? Горшка с геранью! Наконец на рассвете, сраженный волнениями и усталостью, он забылся мертвым сном.

Незадолго до полудня садовника разбудили три серых крысы, играющие в прятки на его постели. Он поднял с коврика тапок, чтобы прогнать их, но герань его остановила:

- Мои друзья...
- Вынужден признать, – сказал господин Цехин, – вы понимаете толк в дружбе.

Он собирался добавить еще несколько любезностей по их адресу, но тут заметил, что на полу в беспорядке разбросана его одежда, аккуратно сложенная в шкафу накануне вечером.

Он соскочил с кровати и распахнул дверцы. Огромная летучая мышь висела на вешалке платяного шкафа, занимая все пространство внутри него. С трудом подавив ярость, садовник поклонился и пробурчал:

- Счастлив познакомиться с другом Его Превосходительства.
- И что за цвет у ваших подштанников! – пробормотала летучая мышь.

В этот миг часы пробили полдень, и герань вскричала:

- Где мой паштет? Или вы полагаете, что я позволю себе пропустить обед только потому, что вы продрыхли все утро?
- Извините, я искренне огорчен, что заставляю вас ждать, – униженно пробормотал господин Цехин и принялся поспешно одеваться, чтобы побежать к мяснику.

Впрочем, эта пробежка пошла ему на пользу.

На свежем воздухе садовник немного успокоился и принялся перебирать все известные способы, какими изгоняют дьявола. Отвергая один способ за другим, он вспомнил о том, что и дьявол поддается искушению, и бывало, падкий на всякие розыгрыши и пари, он вынужден был отпустить

на свободу душу, которую уже крепко держал в своих когтях. Когда садовник вернулся домой, на его губах играла деланная улыбка.

Эта улыбка не ускользнула от герани, и, пожирая свой печеночный паштет, она не преминула заметить:

– Смотрю, вы повеселели. Что, экзема больше не мучит?

– Вы очень любезны, – отвечал господин Цехин, – если принимаете так близко к сердцу судьбу бедного садовника. Я и впрямь чувствую себя неплохо и не стану отрицать, во многом из-за вас.

– Да ну? – удивился дьявол. – Я и не знал, что могу развлечь такого старого глупца, как вы!

– Можно быть самым замечательным дьяволом, – издалека начал господин Цехин, – но невозможно знать все на свете. Например, если вы еще раз захотите принять форму какого-нибудь цветка, то на этот случай я позволил бы себе заметить, что, на мой взгляд, у каждого из них есть свое значение...

– Ха-ха-ха! – рассмеялся дьявол. – Просто удивительно, что вы еще пытаетесь меня учить!

– Я никогда не был слишком сообразительным, – продолжал садовник, – но тому, кто провел пятьдесят лет своей жизни среди цветов, позволительно знать о них кое-что.

– Конечно, даже если речь идет о таком глупце, как вы, – отозвался дьявол, и в его голосе появились заинтересованные нотки. – Но я вижу, куда вы клоните... Уверен, что вы хотите заключить со мной пари!

Обычно все, кто продают мне душу, хотят ее выкупить... Все знают, что я люблю играть и биться об заклад. Если я играю, то невольно плутую, а вот когда я держу пари... Ха-ха-ха! Итак, что вы предложите – какую-нибудь ботаническую тему?

– Прошу простить мое невежество, – с осторожностью ответил господин Цехин. – Но заключать с вами пари все равно что идти на смерть.

– Нет, нет, только пари! – с нетерпением закричал дьявол. – Пари! Выиграете, и я верну вам вашу душонку. А проиграете... Вам крышка! О, это будет тихая и мгновенная смерть, – добавил он, видя, как бледнеет господин Цехин. – И потом, ад не так страшен, как его малюют. Посмотрите на меня: я живу в нем целую вечность – и как огурчик!

– Ну что ж, – согласился садовник; в глубине души ему хотелось поскорее со всем покончить, но он все-таки надеялся обхитрить своего собеседника. – Однако при одном условии: вопрос буду задавать я.

– Это пустяки! – обрадовался дьявол. – Так тому и быть! И чем скорее, тем лучше.

Подумав как следует, господин Цехин вынес герань на свежий воздух. Он с трудом сдерживал удовлетворение и был готов бежать, как молодой пес. Когда наконец садовник остановился на краю луга, покрытого клевером, и опустил горшок с геранью на землю, руки его дрожали от усталости.

– Будьте любезны, подождите меня здесь одну минутку, – попросил он.

– Ни о чем не беспокойтесь, – откликнулась герань, которая уже догадывалась о намерениях садовника. – Я пока немного вздремну.

Согнувшись до земли, господин Цехин принялся рыскать по всему лугу. Какой смысл задавать всеведущему дьяволу ученый вопрос из ботаники? Куда лучше было бы заманить его в ловушку. Наконец, после четверти часа поисков, он вернулся к герани, которая делала вид, что спит, хотя не прекращала наблюдать за садовником.

– Прошу прощения, что заставил вас ждать, – начал господин Цехин. – Я надеялся найти на этом лугу один весьма редкий цветок, но побоялся злоупотребить вашим терпением и просто сорвал цветок клевера, обычный маленький клевер. Он здесь, у меня в кулаке, и я попросил бы вас сказать, сколько у него лепестков?

Услышав вопрос, дьявол разразился таким пронзительным смехом, что его услышали даже в замке, за целое лье от луга. И это ловушка? Черт подери, весь мир знает, что встречается клевер не с тремя, а с четырьмя лепестками, и кто, как не он, сам дьявол, подбивает юных девушек подменять этим мнимым амулетом крестик, который они носят на шейной цепочке! Он со злорадством уже предвкушал ужас глупого садовника и, понаслаждавшись несколько долгих минут, отчетливо и язвительно произнес:

– У этого клевера, господин Цехин, четыре лепестка.

И тут произошло невероятное. Господин Цехин, садовник короля, господин Цехин, награжденный почетным крестом первой степени, господин Цехин, самый учтивый житель своего квартала, чья верность приличиям вошла в пословицу, этот самый господин Цехин пустился в пляс, выделявая па самой необузданной джиги!

– Три! – горланил он, размахивая цветком клевера. – Имею честь, сударь, – три, три, три!

Он показал дьяволу такой забавный нос и такой длинный язык, что прямо в голове не укладывается.

И тут раздался рев ярости. Цветочный горшок разлетелся на тысячи осколков, и в мгновение ока от герани остался только завиток зеленоватого дыма, который еще долго парил по ветру...

Когда господин Цехин вернулся домой, ему все еще было немного тревожно, несмотря на выигранное пари; однако он не обнаружил ни птички, ни крыс, ни жаб. Правда, ему пришлось выкинуть свой котелок и перину, на которых остались следы горелого. Что до летучей мыши, то в платяном шкафу он обнаружил разве что кусок черной шершавой кожи. Он попробовал сделать из нее башмаки, чтобы и впредь иметь удовольствие ступать по этому трофею, доставшемуся ему от самого дьявола.

Волшебный шар

Я уже не помню, откуда узнал

эту историю, но она мне кажется такой занятной, что я попробую ее рассказать на свой лад.

Дело было в далекой восточной стране. Однажды император велел привести к себе знаменитого чародея.

– Ты уже, конечно, слышал, – сказал император, – я выдаю дочку замуж. Придумай-ка что-нибудь необыкновенное – я хочу удивить гостей и придворных. Свадьба через месяц, времени тебе хватит. Но запомни: это должен быть совсем новый фокус! Иначе не сносить тебе головы.

Волшебник сделал серебряный шар и отполировал его, как зеркало. Две половины шара вплотную подходили друг к другу, и никому не пришло бы в голову, что он пуст. Внутри волшебник спрятал своего знакомого карлика. Потом он оповестил императора, что покажет на празднике волшебный шар, который по приказу может вертеться на месте, прыгать, танцевать и разговаривать...

Увы! Случилась беда. Утром, в день свадьбы императорской дочери, карлик тяжело заболел и не смог забраться в шар. Волшебник, повесив голову, отправился во дворец. Он хорошо знал императора и не сомневался, что ему уже недолго осталось жить на свете.

Вдруг он заметил маленького мальчика, грязного и оборванного, который играл неподалеку от дворца. Спасительная мысль промелькнула у волшебника. Он подозвал мальчика, сунул ему в руку кошелек с золотом и заставил его поклясться самой страшной клятвой, что тот всегда будет хранить тайну. Потом он подвел мальчика к шару и показал ему все, что нужно сделать. Он объяснил, когда можно забраться в шар, чтобы никто этого не видел, а сам отправился во дворец на свадебный пир.

Отпировав, гости и придворные собрались на одной из лужаек в императорском парке. Посреди лужайки ярко сверкал под солнцем серебряный шар.

Волшебник, бледный от волнения, торжественно скомандовал шару катиться в его сторону. Шар повиновался – и чародей захлопал в ладоши от радости. Затем он заставил шар прыгать на месте, кружиться волчком, танцевать и делать еще много хитрых фокусов. И всякий раз шар так точно выполнял приказания, что зрители только ахали от восторга. Наконец шар остановился перед императором и его советниками и почтительно приветствовал их. Император в себя не мог прийти от восхищения и щедро наградил волшебника.

Когда разошлись последние зрители, волшебник подошел к шару. Он хотел как следует отблагодарить своего маленького спасителя.

И вдруг... Вдруг он остановился как вкопанный от удивления, увидев, что мальчик со всех ног бежит к нему по лужайке и кричит со слезами на глазах:

– Господин! Господин! Простите меня! Я не сумел спрятаться в шар! Меня схватила стража, когда я перелезал через ограду, и только сейчас отпустила!..

Волшебник бросился к шару и открыл его.

Шар был пуст!

Эглантина

Жила-была однажды в хижине

на опушке леса маленькая девочка. Мама у нее умерла, а отец, местный лесничий, так с тех пор и не женился.

87

В деревенской школе, до которой от хижины было не меньше лье пути, девочку звали Эглантина, что значит – цветок шиповника. Ее так называли не только потому, что она была тоненькая и миловидная, но и потому, что никогда не забывала украсить себя цветком шиповника, сорванным в окрестных зарослях.

Зимой, когда дорогу до деревни заметало снегом, Эглантина не выходила из хижины. Она хозяйничала, а отец тем временем бродил по лесу.

Когда вся работа по дому была переделана, она ставила метлу за шкаф, брала свою куклу и по сто раз ее одевала и раздевала.

Однако дни тянулись так долго, что ей становилось скучно. Тогда она садилась у печки и смотрела, как пляшет огонь. Она думала о школе, о подружках, которые катаются на салазках, о мальчишках, кувыркающихся в снегу, и чувствовала себя совсем одинокой... Но о своих огорчениях она ни слова не говорила отцу: он бы опечалился еще больше.

И вот однажды на душе у нее стало так тяжело, что она расплакалась. Тогда девочка опустилась на колени перед деревянной фигуркой Богоматери, стоявшей на камине, и вздохнула:

– Милая Богородица, мне даже тяжелее, чем Твоему младенцу Иисусу. Ему тоже не с кем играть, но у него есть мама, а моя мама умерла.

Богородица оторвала взгляд от Сына, взглянула на девочку и ласково сказала:

– Иди, малыш Иисус, поиграй с Эглантиной.

Иисус спрыгнул на пол и поднял с колен Эглантину; и до чего же она удивилась, обнаружив, что ростом он не меньше ее!

Он был еще красивее, чем на картинах в церкви: простодушное личико и прозрачный светящийся ореол. Иисус сразу назвал ее по имени и спросил:

– Эглантина, во что будем играть?

Она молча смотрела на него, потому что разволновалась и немного застенялась, и тогда он тронул ее за плечо и предложил:

– Чур, тебе водить! Ты будешь кошка, а я мышка...

И он побежал вокруг стола, стал прыгать через стулья и вопить на весь дом каждый раз, когда она его догоняла.

Вскоре они запыхались и уселись на полу. Эглантина тут же стала показывать Иисусу свою куклу. Он спросил, как зовут куклу, взял ее в руки и захотел сам нарядить. То-то посмеялась Эглантина, когда заметила, что он напялил кукольную сорочку наизнанку!

Потом они снова принялись играть в кошки-мышки и играли, пока не заскрипели по обледенелому снегу шаги отца. Иисус мигом, как ни в чем не бывало, вернулся на руки к Богородице.

Эглантина в себя не могла прийти от изумления. Отцу дважды пришлось ее окликнуть, и только тогда она очнулась и, как всегда, бросилась ему на шею. Еще вся раскрасневшаяся от беготни, она выпалила:

– Ой, папа, как мне было весело!

– Ну-ка, ну-ка, чем же ты занималась?

– Не скажу, это мой секрет!

И чтобы ему не захотелось допытываться, она крепко прижалась губами к отцовским губам.

Так подружились Эглантина и маленький Иисус. Он дожидался, пока она выполнит все обязанности по дому. Едва метла убиралась за шкаф, Иисус слезал с камина, и начиналась игра. Он знал все на свете считалки и тут же начинал считаться, чтобы выяснить, кто водит:

Раз-два-три, на море качка,

По волнам плывет собачка.

Мама ищет: где щенок?

– Уплывает мой сынок!

*Раз-два-три, на море качка,
Машет хвостиком собачка,
Только брызги позади...
Кто не верит –
Выходи!*

Однажды в понедельник, когда все утро шел снег, они даже вышли вдвоем из хижины и стали кататься с придорожного откоса. Иисус был ужасно неловкий и все время падал. Зато когда играли в снежки, каждый раз побеждал. Он так здорово умел лепить из снега круглые и твердые комки и так метко ими кидался, что Эглантине пришлось спрятаться за дерево. Нагнувшись за снегом, она подняла с земли замерзшую малиновку и показала Иисусу:

– Какая злая зима, зачем она убивает птиц!

Иисус внимательно посмотрел на нее и бросил снежки на землю.

– Ладно, пошли домой...

Он уселся перед печкой и взял малиновку в руки. Тихонько подул на ее тельце, и оно задрожало; подул на горлышко, и птица подняла голову; подул на ее веки, и глаза открылись; тихонько дунул ей в клюв, и птица ожила, расправила крылья и защebetала.

Эглантина глазам своим не верила; она накрошила немного хлеба, и малиновка мигом все склевала.

– Теперь можно ее выпустить, и пускай летит.

– Ой, нет! – воскликнула Эглантина, – Там, за дверью, злая зима сразу ее погубит!

– А что ты будешь с ней делать здесь? – спросил Иисус.

Эглантина подумала немного и предложила:

– А если сделать для нее клетку?

– Ура! Замечательная мысль! – вскричал Иисус, хлопая в ладоши. – А у тебя есть все, что нужно?

Эглантина побежала и принесла дощечки и отцовский ящик с инструментами. Там были рубанок, проволока, отвертка, молоток, клещи, напильник, гвозди, большие и маленькие. И при виде всего этого Иисус очень обрадовался.

За какой-нибудь час он смастерил хорошенькую клетку с жердочками и дверкой сбоку. Дети посадили туда малиновку и долго сидели перед клеткой, голова к голове, глядя, как птица прыгает с жердочки на жердочку.

Вот уж удивился отец Эглантины, вернувшись домой вечером! Но сколько он ни допытывался, дочка только прижимала к его губам пальчик и шептала полусердито, полунасмешливо:

– Я же сказала, папа: это мой секрет!

С этого дня у Иисуса изменился характер. Игры занимали его все меньше и меньше. Он то и дело искал предлога вернуться к дощечкам и ящи-

ку с инструментами. И пилил, строгал, шлифовал, подгонял, сколачивал так, что любо-дорого глядеть. И приговаривал не без гордости:

– Знаешь, мой отец был плотник.

Эглантина не отвечала. Ей надоело играть в столярную мастерскую, и она, присев в уголок, делала вид, что играет с куклой. В глубине души она жалела, что кончились кошки-мышки и сражения в снежки. Ей было, само собой, очень приятно, когда Иисус подарил ей чудную мельничку, так ловко сработанную, что ее крылья вращались от малейшего движения воздуха. Но потом он принялся мастерить ручную тележку, и Эглантина целыми днями дулась в своем углу.

Как-то раз он настолько увлекся работой, что даже не ответил Эглантине, умолявшей его выйти и покататься с горки. Она рассердилась, схватила тележку и с такой яростью швырнула ее на пол, что тележка разлетелась вдребезги. Иисус изумленно посмотрел на обломки и машинально стал собирать их с полу. Тогда Эглантина, видя, что он ничего не понимает, совсем разошлась, затопала ногами и залепила Иисусу такую оплеуху, что у него покраснела щека.

Иисус медленно положил молоток на стол, смиренно собрал гвозди и молча вернулся на свое место возле матери.

Шли недели, а Иисус больше не спускался к Эглантине. Ставя на место метлу, она всякий раз краешком глаза взглядывала на Богородицу,

но смотреть ей в лицо больше не смела. Она надеялась, что когда-нибудь та гневная выходка ей простится: ведь она столько слез пролила потом!

Шло время... Снег вокруг хижины стал таять. Однажды утром над лужайкой поднялась маргаритка и воскликнула: «Весна пришла!» Ей ответили птицы, и Эглантина вновь побежала в школу.

Она встретилась с подружками, и они ей обрадовались, но девочка не могла забыть Иисуса. Без конца она вспоминала о своей недоброй выходке, и у нее все время щемило сердце.

Когда придорожные кусты покрылись цветами, она стала каждый вечер приносить домой большую дикую розу для Богородицы и маленькую для Иисуса. Она молча клала цветы к их ногам, но Богородица смотрела на Иисуса, а Иисус смотрел на маленький земной шар, который держал в руке. Цветы увядали, никто не обращал на них внимания, а девочка горевала.

Однажды она проходила мимо деревенской столярной мастерской и увидела у дверей кучу новеньких досок.

«Как бы Иисус порадовался, – подумала она. – Возьму да принесу ему одну из них!»

И она выпросила себе в подарок доску. Взвалила ее на плечо и, хотя доска оказалась тяжелая, с легким сердцем пошла домой. Спустя четверть часа плечо у нее уже нестерпимо горело. Пришлось ей волочить тяжелую доску по земле! Эглантина то и дело останавливалась перевести дух, утирала лоб, с которого ручьями лил пот, а потом волокла

свою ношу дальше. По дороге ее настиг ливень, и она вымокла до нитки. Неужели она когда-нибудь доберется до дому? Но ей ни на миг не пришло в голову бросить доску. Выбившись из сил, она положила доску у ног Богородицы, но все же у нее достало сил улыбнуться и сказать:

– Милая Богородица, посмотри, какую хорошую доску я принесла Иисусу...

Она надеялась, что Богородица ей ответит или заступится за нее перед Сыном. Но Богородица не поднимала своих прекрасных глаз. Она по-прежнему смотрела на Иисуса, а Иисус – на шар в своей ладони.

Эглантина опустилась на стул и разрыдалась. Она рыдала долго, очень долго и даже не подумала снять промокшие башмаки. Когда вернулся отец, она все еще плакала и стучала зубами.

Он не смог от нее добиться ни единого слова. Встревоженный, лесничий снял с дочки мокрую одежду, напоил девочку горячим чаем и уложил в постель.

На другой день Эглантина не могла встать с кровати. Начался ужасный кашель. Потом ее стала трясти лихорадка, она принялась бредить. Пришел врач и насилу узнал девочку: она осунулась, глаза блуждали, Эглантина без конца обращалась к Богородице с какими-то бессвязными словами.

– Состояние тяжелое, – объявил врач. – Но мы попробуем все-таки ее спасти. Скорее бегите в деревню за лекарством, вот вам рецепт.

«О Господи, она же умрет, пока я буду ходить! – подумал отец. – Умрет...»

И он побежал что было сил, и бежал всю дорогу, и слезы застилали ему глаза.

Когда лесничий вернулся, перед самой хижиной мужество внезапно ему изменило. Он уже представлял себе распростертое на постели бездыханное тело дочери; он не смел войти – как вдруг до него донесся залиvistый смех Эглантины.

Дверь широко распахнулась, и он чуть не умер от счастья: Эглантина сидела на кровати, веселая, хорошенькая и вполне живая! А перед ней стоял какой-то мальчуган; вокруг его головы светился ореол, а мальчик уморительно размахивал руками и распевал:

Машут вам – пока! пока! –

Все марионетки!

Машут вам – пока! пока!

Три поклона, два кивка,

Машут вам – пока! пока! –

Все марионетки!

Похититель звезд

Жил-был волшебник,

101

и не было ему равных на белом свете. Он с легкостью превращал капусту в карету, башмак в корабль, а ведьму в соляной столп. И не нужны ему были для этого ни волшебные кольца, ни семимильные сапоги, ни лунный камень – и без них он мог сделать лягушку царевной, мог пересечь широкую реку или исчезнуть в пламени очага. И вот не осталось такого чуда, которое принесло бы ему удовлетворение.

Он с головой зарылся в колдовские книги, смешал в невиданных ретортах яд василиска, мозг орлана и сок белены и, наконец, после долгих опытов получил прозрачную жидкость, обладающую необычными свойствами. Со всеми предосторожностями он перелил ее в бутыль и стал ждать наступления вечера.

На закатном небе не было ни облачка, и одна за другой стали появляться звезды. Волшебник начертал на стекле семь таинственных знаков и, подняв руки к небу, начал произносить заклинания. Час за часом в ночной тишине раздавался его отчетливый голос. И только

под утро, когда едва забрезжил рассвет, произошло чудо. Одна из звезд, влекомая непреодолимой силой, покинула свое место на небосводе, с головокружительной быстротой мелькнула в воздухе и, пролетев между поднятыми руками волшебника, угодила прямехонько в горлышко бутылки.

Звезда, настоящая звезда оказалась там, в стеклянной темнице!.. Это была всего лишь крохотная звездочка, едва различимая в светлую ночь, но чародей чуть не умер от радости, видя, как она сверкает на дне бутылки.

Неожиданный успех вскружил ему голову. На следующую ночь он продолжал свое колдовство, и новая звезда присоединилась к своей плененной сестре. С тех пор по ночам он только и расставлял свои колдовские сети. Звезд в бутылки становилось все больше. Словно маленькие золотые рыбки, они бились за стеклом, в отчаянии натываясь на прозрачную преграду.

Астрономы стали замечать, что светил на небе поубавилось. Не в силах объяснить этот поразительный феномен, они забили тревогу, и газеты наполнились отзвуками их растерянных споров.

Однако читатели не слишком-то верили астрономам. «Эти ученые, – говорили они, – всегда становятся жертвой собственной науки. Пусть они поточнее считают свои звезды! У нас и без того забот полон рот».

Уверясь в своих силах, волшебник принялся за звезды более яркие. Теперь всполошились поэты, пытаясь передать людям свое беспокойство.

Но те были глухи. «Эти поэты, – говорили они, – всегда видят звезды там, где их не должно быть, и удивляются, когда не находят их на следующую ночь. Они просто-напросто бредят. Их место в сумасшедшем доме!»

Наконец волшебник взялся за самые крупные звезды. Когда исчез хвост Большой Медведицы, даже дети, удивленные тем, что никак не могут найти на звездном небе сказочных зверей, стали осаждать родителей своими вопросами.

Но родители только отмахивались. «Эти дети, – говорили они, – еще совсем глупы. Дай им волю, и они тебе такое распишут! Неужто мы будем обращать внимание на детский лепет?»

Однако вскоре наступил день, заставивший всех увериться в правоте ученых, поэтов и детей: волшебник добрался до Полярной звезды. Поднялась тревога. Как вести караваны через пустыни, корабли по океанам, как путешественникам добираться до полюса? А если еще и луна исчезнет неизвестно куда?

Теперь что ни ночь люди пристально вглядывались в небо, с ужасом спрашивая самих себя, что еще их ожидает. Но возгордившегося чародея уже ничто не могло остановить. Стали исчезать звезды первой величины, и когда пропала голубая Вега, самая красивая звезда из созвездия Лиры, началась паника.

А волшебник принялся ждать того часа, когда весь мир преклонит перед ним колени, и тогда он спасет род человеческий от неминуемой гибели!

В самый разгар этого всеобщего безумия несколько старых женщин вспомнили об одной фее, которую знали еще их бабки. Толпа дровосеков бросилась обшаривать лес, куда она однажды удалилась. Пробившись сквозь непроходимую чащу, дровосеки обнаружили под огромным дубом хижину из стеклянных нитей, а перед ней поляну, по которой прогуливался павлин. Каково же было их удивление, когда павлин спросил:

– Что это вы здесь делаете, дровосеки?

– Мы ищем фею, – отвечали дровосеки. – Давным-давно она поселилась в этом лесу. Дело в том, что каждую ночь исчезают с неба звезды. Весь мир в отчаянии – он оказался во власти отвратительных чар, и только фея способна их развеять.

Тут дровосеки удивились еще больше: хвост павлина превратился в платье, сверкающее драгоценными камнями, хохолок – в изящную платиновую корону, и вместо павлина перед ними предстала фея невиданной красоты.

Фея произнесла:

– Так и быть, я вам помогу. Но никогда больше не ищите меня и не просите ни о чем. Злое волшебство будет бессильно, если каждый вечер тысячи людей начнут восхищаться ночным небом и любоваться созвездиями, – никакие чары не смогут покорить их искренних чувств. Только воодушевление и любовь могут остановить колдовство. Идите

с миром, дровосеки, и повторяйте всем мои слова до тех пор, пока люди не станут разумнее и мудрее.

Едва дровосеки покинули поляну, фея поднесла к губам березовую свистульку, висевшую у нее на цепочке, и трижды свистнула. В тот же миг стаи птиц буквально обрушились на ветви дуба, нависавшего над хижиной. Птицы летели отовсюду, и вскоре дерево превратилось в огромный букет из крыльев, щебета и трелей.

– Спасибо, друзья, за то, что вы так быстро откликнулись на мой призыв, – сказала фея. – Однако мне нужны только ночные птицы. Остальных я сегодня отпускаю.

Казалось, на дерево налетел невидимый ветер, сорвавший целые гроздья поющих листьев; на ветвях остались только филины, совы и соловьи. Фея продолжала:

– Могущественный волшебник срывает с неба и пленяет звезды. Я должна узнать, как он это делает. Нужно отыскать его убежище, чтобы пресечь зло. Летите во все стороны, садитесь на самые высокие деревья, смотрите: каждая летящая звезда оставляет позади себя светящийся след. Узнайте как можно точнее, куда падают звезды. Об остальном я позабочусь сама... В путь, мои друзья!

Наутро тысячи птиц со всех уголков света вернулись к фее. Выслушав их, она поняла, что волшебник скрывается в знаменитом замке Оф.

При дневном свете это были страшные руины, в которых кишмя кишели гадюки, скорпионы и жабы, но с приходом темноты развалины превращались в величественный и роскошный замок.

У феи созрел план. Не раздумывая ни секунды, она обернулась старой ведьмой. Платье с драгоценными камнями стало грязными и дырявыми лохмотьями, а волшебная палочка – помелом, на которое ведьма тотчас же и взгромоздилась.

Она взвилась в небо и опустилась на сосну как раз напротив развалин замка Оф. Едва зашло солнце, как древние стены стали подниматься из руин, словно мириады невидимых гномов ставили камень на камень, пока не возник великолепный дворец, стекла которого замерцали в последних отсветах уходящего дня.

Одна из дверей на балкон последнего этажа медленно приоткрылась. Улыбка мелькнула на губах феи, притаившейся на дереве. И вот наступила безоблачная тихая ночь – казалось, все только и ждет появления звезд.

Увы! На небе не осталось ни единой звездочки, словно на лужайке, с которой злой мальчишка сорвал все цветы. Тщетно было искать красный Альдебаран, или голубую Вегу, или сверкающий Сириус, и фея печально созерцала пустой небосвод. Внезапно она увидела звезду Бетельгейзе, поблекшую, как цветок, у которого перерезали стебель. Время от времени сильные толчки заставляли Бетельгейзе вращаться вокруг собственной оси. Звезда долго сопротивлялась притяжению

колдовских заклятий, но наконец сорвалась и стала падать вниз, окруженная облаком света.

Фея следила за ее полетом до самого балкона замка Оф. Смеясь во все горло, волшебник схватил бутыль, где среди других звезд уже билась новая пленница. От Бетельгейзе исходили такие ослепительные лучи света, что глаза самого волшебника превратились в два ярких огня. Наконец, оторвав взгляд от бутылки, он заметил на балконе какую-то старую ведьму. Та сидела на перилах, сжимая в руке помело и презрительно глядя на чужодея.

Волшебнику ничего не стоило превратить ведьму в соляной столп, и он рассмеялся при мысли, какую дурную шутку сейчас сыграет с незваной гостьей.

– Вы оказали мне честь вашим визитом, – сказал он высокомерно. – Сколько же стоит эта честь?

Ведьма показала на бутылку, сверкающую пламенем.

– Ха-ха-ха! – загоготал чародей. – Вы, очевидно, полагаете, что я предложу вам несколько звезд для украшения вашей безобразной шеи?

– Речь не обо мне, – спокойно ответила ведьма, – но о таких священных вещах, которых не касаются даже самые знаменитые феи и волшебники. Я говорю о звездах. Выпустите их из бутылки и отправьте назад, на небо.

– Что это взбрело вам в голову, старая вы сова? Кто разрешил вам столь нагло вмешиваться в магию и колдовство? Кого интересует ваше мнение?

Бросившись к ведьме, он схватил ее за руки, втащил в комнату и с силой усадил напротив бутылки.

– А теперь, – язвительно добавил он, – я буду иметь честь превратить вас в соляной столп. Я позабочусь о том, чтобы только глаза оставались у вас живыми и чтобы вы могли целую вечность созерцать шедевр самого могущественного чародея на земле!

Сжимая запястья старухи, он медленно и свирепо произнес:

*ЗАБУДЬ, КЕМ БЫЛА ДОТОЛЬ,
ЗАСТЫНЬ ПОПЕРЕК И ВДОЛЬ,
УСНИ НАВСЕГДА, КАК СОЛЬ.*

109

И вдруг волшебник оцепенел: ведьма на его глазах превратилась... в фею, и перед ее сверкающим платьем померк блеск плененных звезд. Колдун задрожал, ноги его подкосились, лицо побледнело, а глаза позеленели от страха. Он хорошо знал, что заклинание, только что им произнесенное, становится смертным приговором для волшебника, если оно обращено к столь же могущественной и все- сильной фее.

– Вот куда тебя завела безудержная гордыня, – сказала фея. – Ослепленный своей властью, ты даже не заметил, что ведьма, которую ты хотел заколдовать, оказалась поддельной – ведь у нее не было крючк- ватого носа, какой бывает у истинных ведьм. В назидание всем често- любцам на свете ты будешь подвешен к луне, вороны выклюют твои гла- за, а мучения будут продолжаться тринадцать ночей!

Затем фея подняла волшебную палочку и прикоснулась к бутылке. Стекло с треском лопнуло, и начался небывалый фейерверк: подобно ракетам, звезды с веселым свистом стали взлетать одна за другой. Пошел настоящий огненный град, и вся вселенная засверкала, как сверкает небо в большой праздник. Драгоценные алмазы вспыхнули бесчисленными гранями. И земля присоединилась к этому невиданному празднеству. Голоса ручьев слились в многоголосый хор, и повсюду, на прудах, на реках, на морях, вспыхнули и закружились в танце огненные лучи. Деревья пели, горы ликовали, равнины радостно перекликались друг с другом. Казалось, весь мир купается в звездной пыли, с несказанной легкостью поглотившей целую планету!

Больше часа продолжалось это буйство света, и лицо злого волшебника было обезображено ужасом: каждый сверкающий след звезды жег ему глаза, каждый возглас радости раздирал его грудь, каждый вздох освобождения пронзал ему сердце. И когда, наконец, фея коснулась его своей волшебной палочкой, от гордого чародея осталась одна пустая оболочка. Тринадцать ночей тело его раскачивалось, подвешенное за рожок месяца, там, среди мириад горящих звезд.

...А фею с тех пор уже никто никогда не видел. Но слова ее не забылись. Тысячи людей восторженно рассматривают созвездия, а те, кого разлучает судьба, обещают друг другу, где бы они ни были, смотреть каждую ночь в один и тот же час на одну и ту же звезду.

Снеговик

Луна поднялась над деревней

и увидела на площади снеговика. Заметив, что он распрямляет сложенные на груди руки, она невольно подивилась.

– Еще один бедняга пытается ожить! – вздохнула она.

Какая скованность в движениях, какие мучительные усилия, чтобы оторвать от земли огромные лапищи! Снеговик чуть не переломился пополам и на довольно-таки долгое время замер, не смея двинуться с места. Между тем его глаза из фарфоровых черепков привыкали смотреть, мозг из отвердевшего снега привыкал думать. Снеговик тяжело протопал несколько шагов, обошел вокруг площади, останавливаясь у каждой липы, а потом выпустил из рук метлу и по хрустящему снежку нырнул в первую попавшуюся улицу.

Ему захотелось подойти к какому-нибудь дому. Он выбрал один, заглянул поверх занавесок, и увиденное показалось ему чудесным.

В светлом кругу абажура за вечерней трапезой собралась семья. Мать стоя нарезала бутерброды, на которые падал свет. Над паром, струившимся из чашек, порхал детский смех; печка раскалилась докрасна, и от

нее веяло восхитительным жаром. Охваченный тайной завистью, снеговик прижался лицом к стеклу. Отец заметил его и, приняв за соседа, пошел открывать дверь. Снеговик едва успел броситься в сугроб. Хозяин дома никого не обнаружил и вернулся с ворчанием.

Сознавая, насколько опасно его положение, снеговик решил вести себя осторожнее. Со всех сторон его влекли освещенные окна, но благоразумие велело скорее идти дальше. Только на краю деревни он почувствовал себя в безопасности и, томимый каким-то смутным желанием, стал смотреть, как гаснут огонек за огоньком.

Дорога, приметная благодаря колеям, что оставили колеса телег, привела его к опушке леса. Нырнуть в самую чащу показалось ему рискованным. Снеговик много часов брел вдоль леса, надеясь его обойти. Время от времени он останавливался и задумчиво глядел на открывавшиеся перед ним просторы, засыпанные лунными блестками. Куда ему торопиться? Уже начинало светать, когда он узнал вдали приземистую колокольню той самой деревни, из которой вышел. «Видно, я всю ночь шел по кругу!» – подумал он. Уже запели петухи; снеговик поспешно вернулся на площадь. Он в простоте душевной полагал, что детишки поднимут на ноги всю деревню и бросятся на его поиски. Поэтому подобрал с земли свою метлу, вновь сложил руки и терпеливо стал дожидаться наступления дня.

Деревня просыпалась будто нехотя. Солнце уже поднялось, когда проехала первая телега. Крестьянин показался на пороге хлева, потом на площадь высыпали дети. Мальчик по имени Марсель покрутился вокруг снеговика; он сам его и вылепил накануне. Видя, что снеговик за ночь изрядно пострадал, мальчик скорчил недовольную рожу. Он подправил его разбитые ноги, слепил ему новое ухо и отбил краешек правого глаза, показавшегося ему больше левого. Потом провертел ему щечкой две широких ноздри, чтобы снеговiku легче дышалось. Приятели, не вынимая рук из карманов, любовались его работой. Они убежали только по звуку школьного колокольчика. В полдень и в четыре часа пополудни Марсель опять навещал площадь, еще и еще отделывая свое творение. Теперь, когда снеговик окончательно застыл, это превратилось в игру: можно было трудиться над ним, как над каменной скульптурой, и полировать его со всех сторон.

Деревню все сильнее и сильнее сжимали тиски мороза. Солнце светило весь день, но тепла от него было не больше, чем от фонаря в пещере.

Одноклассники уже давно разошлись по домам, а Марсель в полном одиночестве все еще трудился над своим снеговиком. И лишь когда пальцы у него вконец онемели, он, замерзший и возбужденный, ушел с площади.

Этим вечером, когда поднялась луна, она увидела, как снеговик уверенно отшвырнул прочь метлу и зашагал в сторону полей.

«Бедняга! – подумала луна. – Он бежит навстречу гибели вместо того, чтобы мирно радоваться тем недолгим денькам, что отпущены ему на земле!»

Снеговик шел большими шагами, казалось, его преследовала неотвязная мысль. Луна, добрая душа, не удержалась и окликнула его:

– Ты куда? Неужели ты тоже, по примеру множества твоих братьев, решил рискнуть и превратиться в человека? Но ведь для этого надо, чтобы какое-нибудь живое существо уступило тебе свое сердце, а таких подарков никто, понимаешь, никто никому не преподносит!

Снеговик ответил голосом, в котором еще сохранялась необычная хрипотца:

– Милая луна, пойми, если я хотя бы не попытаюсь стать человеком, это будет незаслуженным оскорблением для ребенка, который меня создал!

– Твои братья тоже так говорили. Но их попытки принесли им только обиды и страдания.

– По крайней мере, никто не скажет, что я оказался трусливее других.

– Что ж, удачи тебе! – промолвила луна. – Я старалась, как могла, отговорить тебя от этого безрассудства.

Снеговик очень надеялся встретить до рассвета какое-нибудь существо, настолько несчастное, что согласилось бы уступить ему свое сердце.

К полуночи он нашел под кустом умирающую птицу, королька. Глаза королька заволочло пленкой, окоченевшие крылья бессильно повисли.

Снеговик поднял его своей большущей снежной лапой и сказал:

– Послушай, королек, ты все равно умираешь. Какая тебе теперь польза от сердца, которое стучит у тебя в груди? Уступи его мне, пока не поздно, и я смогу стать человеком.

Королек ответил еле слышным голосом:

– Если у меня не будет сердца, как я смогу вспомнить в последний раз все то, что я люблю, – родное гнездо, где меня вскормили, веселые крики родителей, ручеек под кустами шиповника, куда я прилетал попить?

И он бессильно замолк. На широкой снежной ладони лежала мертвая птица – просто мертвая птица.

Снеговик зашагал дальше. От слов королька ему еще сильнее захотелось, чтобы у него было сердце. Эти слова кружились, как хоровод, в его снежном мозгу и подталкивали его все вперед и вперед.

Он миновал заброшенную деревню, потом поля, потом еще одну деревню. И вдруг услышал прерывистое дыхание зайца, подбитого охотником.

– Послушай, заяц, – взмолился он. – На что тебе теперь сердце? Уступи его мне, пока не поздно, чтобы я мог стать человеком.

Заяц сделал отчаянное усилие и стал объяснять:

– Сегодня я как никогда чувствую, какое это счастье – иметь сердце. Кто мне расскажет обо всем, что мне дорого, если не оно? Дай ты мне умереть спокойно.

Снеговик пошел дальше, все быстрее и быстрее. Ему встретились умирающая куропатка в силках, потом ласка со сломанной лапкой, потом шелудивый кот, которого отовсюду прогнали камнями, но все они, даром что дни их уже были сочтены, не желали уступать ему свое сердце.

К рассвету снеговик настолько устал и выбился из сил, что прислонился спиной к тополию на обочине дороги. И хотя его глаза, в которых отражалось солнце, оставались широко распахнутыми, его тут же сморил сон.

121

Вечером его разбудила луна.

– Ну, как дела? – крикнула она. – Что я тебе говорила? Зачем ты упрямишься? Лучше наслаждайся жизнью, пока не настала оттепель.

Но снеговик все сильнее хотелось заполучить сердце – это бесценное сердце, с которым ни одно живое существо не желает расстаться.

– Может быть, мне на помощь придет случай, – уклончиво ответил он и пошел дальше куда глаза глядят. Как только он слышал, что кто-то жалуется, вздыхает, стонет, он тут же бросался туда и приступал к страдающему созданию с мольбами. И каждый раз натывался на отказ.

С отчаяния он подумал, не обратиться ли к людям. Но кто примет всерьез какого-то снеговика? Он и рта не успеет раскрыть, как его просто-напросто расколошматят вдребезги!

Размышляя о том, как ему выйти из положения, он набрел на старое огородное чучело, решительно нахлобучил на себя припорошенную снегом дырявую шляпу, натянул рваные штаны и куртку. Тряпка, пододбранная в каком-то сарае, заменила ему шарф. Он надвинул шляпу на самый лоб, спрятал руки в карманы – теперь и люди приняли бы его за человека.

Да что толку? При его приближении даже самые немощные звери собирались с силами и пускались наутек. Но ему не хотелось расставаться со своими лохмотьями. Он ими гордился, и даже то, что его боялись, пришлось ему по вкусу. Он уже никого не надеялся встретить этой ночью, но все шагал и шагал вперед: ему доставляло удовольствие ощущать, как хлопает одежда вокруг его снежного тела.

На перекрестке двух дорог он остановился в нерешительности, как вдруг услышал голос, заставивший его вздрогнуть:

– Это кто бродит по дорогам в такую собачью погоду?

Тут снеговик заметил старика с седой бородой; борода спускалась ему на грудь и была такая белая, словно вылепленная из снега. Незнакомец изо всех сил пытался встать на ноги, но, изнемогая от усталости, всякий раз опять падал на землю. Снеговик подбежал и помог ему подняться.

– Кто ты такой? – спросил голос. – Назовись, чтобы я мог хотя бы поблагодарить тебя, как полагается.

– Не все ли вам равно, кто я такой, – осторожно ответил снеговик. – Достаточно и того, что я несчастнее всех на свете.

Старик поднял исполненный доброты взгляд на незнакомца, чье лицо ему было не разглядеть:

– Мне осталось жить на свете совсем немного, и если бы ты не помог, меня бы нашли здесь замерзшим насмерть. Ах, на сердце у меня становится теплее уже от одного того, что я вижу перед собой другого человека! Ты говоришь, что ты несчастнее меня? Я был бы рад тебе чем-нибудь помочь. Скажи, чего ты хочешь?

Снеговик, преследуемый страхом наткнуться на новый отказ, отвечал уклончиво:

– Тот, кто сильнее и здоровей, всегда должен помогать остальным. Пошли, я помогу вам идти.

На лице у старика заиграла бледная улыбка. Опираясь на плечо снеговика, он сделал несколько шагов. Дыхание вырывалось у него из груди с каким-то странным свистом. Внезапно он опустился на обочину.

– Ноги отказывают мне, – признался он. – А как хочется еще раз увидеть деревню, где я родился, но, увы, силы покидают меня, когда я уже почти добрался до цели! И несмотря ни на что, я умру счастливым, потому что всегда поступал по совести. Я прошел немало дорог, изучил немало ремесел, повстречал немало людей, но старое мое сердце никогда не ведало утрызений.

– А если кто-нибудь ради того, чтобы спастись от смерти, попросил бы у вас ваше сердце, вы бы согласились его уступить?

– Конечно! Но разве это в наших силах, уступить свое сердце другому?

– Да, это в наших силах. Но каждый настолько дорожит своим сердцем, что не уступит его ни за что на свете.

– Ну что ж! Не знаю, кто ты такой и откуда пришел. Но если мое старое сердце может тебе пригодиться, я его охотно тебе уступаю.

И тут произошло нечто неслыханное. Снеговик внезапно почувствовал, как у него в груди забилось горячее сердце, полное алой крови; снег, из которого состояло его тело, превратился в нежную живую плоть; на грудь легла густая борода. Разглядывая при свете луны кисти своих рук, он обнаружил тонкие, чувствительные жилки. Бездыханный старик лежал у края дороги, и по щеке снеговика скатилась слеза, большая теплая слеза – первая в его жизни. Но он быстро справился с печалью; он чувствовал себя таким счастливым, что позабыл о безжизненном теле. Он пошел прочь большими шагами, жадно вдыхая ледяной воздух, чтобы не задохнуться от ликования. Но сердце у него в груди билось так бурно, что он благоразумно решил его поберечь и присел у дороги.

Однако ему тут же стало холодно; пришлось встать и пойти дальше. Вскоре он начал жестоко страдать от голода, тем более что раньше никогда не испытывал этого чувства.

На рассвете он подошел к отдаленной ферме, где, на свое великое счастье, получил краюху хлеба и чашку обжигающего кофе. Потом, падая с ног от усталости, он растянулся в стойле и заснул.

Спал он недолго. Какой-то неясный голос велел ему уходить. Ноги словно знали, куда им идти, и несли его, не задерживаясь на перепутьях. Он шел, повинувшись велениям своего сердца, хотя и не знал, куда и зачем оно его ведет. Так миновал он несколько деревень. И ни разу не остановился, несмотря на холод, голод и усталость.

126

Но как же он удивился, когда в сумерках очутился в той же самой деревне, где его вылепили! Он вышел на площадь и на миг застыл в задумчивости, увидев следы своих огромных ног. Он обошел вокруг церкви, обогнул кладбище и вернулся на площадь, где школьники играли в снежки. Он надеялся увидеть Марсея – того самого мальчика, который с такой любовью вылепил его из снега. К своему огорчению, мальчика он не нашел и принялся бродить взад и вперед. Казалось, сердце само узнавало, куда его вести, и время от времени приказывало задержаться то на одном, то на другом перекрестке. Люди неспешно и важно желали ему доброго вечера – снеговик ухаживал, что он уже слышал когда-то эти голоса... Сам не зная почему, он долго стоял перед маленькой кузницей, вывеска над которой поскрипывала под северным ветром. Непонятная радость охватила его, когда он очутился перед стеной, увитой сухим вьюнком, перед заброшенной повозкой, перед поилкой, покрытой льдинками. В голове у него роились неясные воспоминания. Он словно знал и эту улицу, и эти дома, в которых одно за другим загорались окна.

Он вернулся к кузнице; в маленькую, беленную известью клетушку, примыкающую к мастерской, как раз входили люди. Они переглядывались с таким сосредоточенным и серьезным видом, что снеговик машинально пошел за ними и вместе со всеми вошел в кухню. Там встревоженные крестьянки склонились над детской кроваткой, взволнованные и печальные мужчины не обратили внимания на непрошеного гостя. Среди шушуканья то и дело слышались слова: «бронхит», «пневмония» и «снеговик».

Не зная, что и думать, снеговик в свой черед склонился над постелью ребенка. И сердце у него в груди зашло от волнения: в кроватке, на белоснежных простынях, лежал умирающий Марсель, который заплатил своей жизнью за рождение того, кто смотрел теперь, как он умирает.

И тогда в сердце снеговика зазвучал умоляющий голос:

– Уступи свое сердце этому погибающему ребенку! Ну, давай, решайся! Ведь я же не пожалел для тебя своего сердца, правда? Неужели теперь мне целую вечность стыдиться своего подарка?

Снеговик колебался. Он вспомнил обессиленного королька, задыхающегося зайца, умирающую куропатку, раненую ласку, покрытого язвами кота; в них во всех еле теплилась жизнь, но они из последних сил берегли свое сердце. Неужели он в первый же день пожертвует своим? Неужели пожертвует тем самым сердцем, от которого ждал столько радости?

Вдруг мать подхватила ребенка на руки и крепко-накрепко прижала к груди, словно хотела передать слабейшему тельцу все свое тепло, всю свою кровь.

И вновь, еще требовательнее, зазвучал тот же голос:

– Скорее, скорее, уступи ему сердце, и ты его спасешь!

Поздно! Голова мальчика откинулась на материнское плечо, и тихо, подобно тому как угасает свеча, без крика, без движения, он испустил дух.

Все заплакали. Снеговик в смятении вышел, опустив голову и испытывая невыносимый стыд.

Внутренний голос зазвучал сурово и неумолимо. Чтобы избавиться от него, снеговик бросился к церкви.

Ветер утих, и небо на западе уже затянули тучи.

Луна, выглянувшая в просвет между двумя темными пеленами, гневно сказала ему:

– Ты так выпрашивал себе сердце, а потом оказался таким трусом! Только ты мог спасти этого ребенка, вдохнувшего в тебя частицу жизни. Ты это знал. Но ты оказался недостоин быть человеком. Это сердце, которое великодушно подарил тебе милосердный прохожий, не захочет оставаться у тебя в груди. Ты вновь превратишься в снеговика и растаешь с первой же оттепелью.

И она скрылась за пеленой тумана.

Снеговик блуждал по деревне. Сердце у него в груди билось уже не так сильно и не так быстро; оно уже отказывалось питать эгоистичное тело и упрямую голову. Мало-помалу угрызения совести превращали это ловкое, крепкое тело в твердый смерзшийся снег, не ведающий ни страстей, ни желаний. Снеговик чувствовал, как ноги его теряют силу,

движения становятся скованными, глаза туманятся, язык немеет. Безжалостная стужа медленно заползала ему в грудь, и, усталый, отчаявшийся, он грузно осел на пороге церкви.

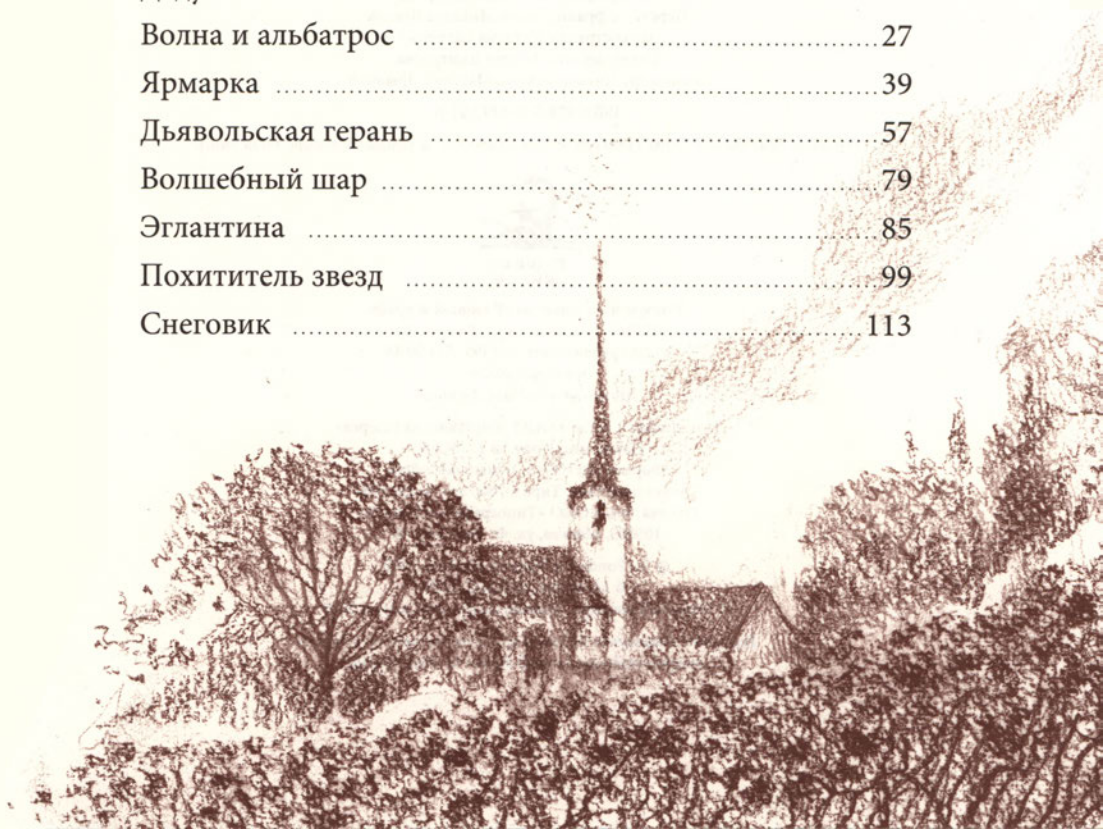
Наутро крестьяне нашли под церковным порталом скорчившегося старика, застигнутого ночным морозом. Они поспешили ему на помощь. Сняли с него шляпу: оказалось, что это всего-навсего снеговик. Но его тронутое оттепелью лицо хранило следы такого страдания, что люди перекрестились, словно перед ними был человек.

СОДЕРЖАНИЕ

Каприна	7
Дедушка	13
Волна и альбатрос	27
Ярмарка	39
Дьявольская герань	57
Волшебный шар	79
Эглантина	85
Похититель звезд	99
Снеговик	113

УДК 821.133.1(493)-93
ББК 84(4Бел)-44
К22

Морис Карем
Сказки для Каприны

Для среднего школьного возраста

Автор проекта Светлана Петрова
Перевод с французского Михаила Яснова
Иллюстрации Натальи Салиенко
Макет, верстка Андрея Дмитриева,
Владимира Николаевского, Максима Ярышева

ISBN 978-5-903497-21-8

Редакция благодарит Таню Тулякову и Лизу Кузенкову за помощь в выборе этой книги

Детское издательство «Розовый жираф»

125167, Москва, 4-я ул. 8 марта, 6а
Отдел реализации: +7 (495) 514 09 48
www.pgbooks.ru

Вдохновитель Макс Джикаев

Подготовка к печати ООО «Виртуальная галерея»

Подписано в печать 11.09.2009

Формат 70х100/12. Бумага офсетная

Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Заказ 1981

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

© La Fondation Maurice Carême, 2009

© М. Яснов, перевод, 2009

© «Розовый жираф», издание на русском языке, 2009

*Все права защищены, включая право на частичное и полное
воспроизведение в какой бы то ни было форме*

